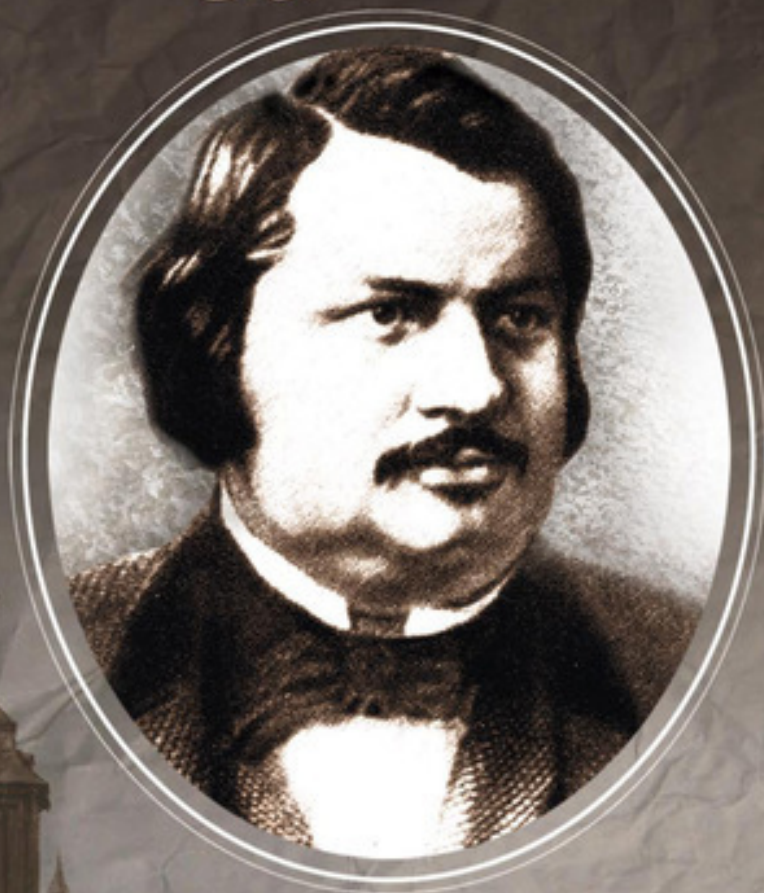

ПОДЛИННЫЕ • ЖИЗНЕОПИСАНИЕ • БИОГРАФИИ
ВЕЛИКИХ

ГРЭМ РОББ

ЖИЗНЬ

БАЛЬЗАКА

ОТ АВТОРА МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА «ПАРИЖАНЕ»

Жизнеописания великих. Подлинные биографии

Грэм Робб

Жизнь Бальзака

«Центрполиграф»

1994

Робб Г.

Жизнь Бальзака / Г. Робб — «Центрполиграф»,
1994 — (Жизнеописания великих. Подлинные биографии)

Грэм Робб – известный английский писатель, литературовед, историк, один из крупнейших специалистов по французской истории, культуре и литературе. Предлагаемый читателю труд «Жизнь Бальзака» – всестороннее исследование жизни и творчества французского гения, написанное легко, стилистически безупречно, с неповторимым чувством юмора, поскольку Грэм Робб обладает не только глубокими познаниями ученого, но и выдающимся даром рассказчика.

© Робб Г., 1994

© Центрполиграф, 1994

Содержание

Предисловие	9
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Грэм Робб Жизнь Бальзака

ГРЭМ РОББ, ТАКОЙ ЖЕ НЕПРИНУЖДЕННЫЙ И ИЗЫСКАННЫЙ, КАК ЕГО ГЕРОЙ, УВЕРЕННЫМИ МАЗКАМИ РИСУЕТ ОБШИРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ЖИЗНИ БАЛЬЗАКА В НЕОБЫЧАЙНО ОСТРОУМНОЙ БИОГРАФИИ, КОТОРАЯ МЕСТАМИ ЧИТАЕТСЯ КАК ДЕТЕКТИВ, ОСОБЕННО КОГДА РОББ ОТЫСКИВАЕТ ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ВЕЛИКОГО РОМАНИСТА ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА.

New York Times Books of the Year

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ, ОСТРОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ОСТРОУМНО НАПИСАННАЯ КНИГА – НАСТОЯЩИЙ ПОДАРОК ПЫТЛИВОМУ УМУ!

Observer

ГРЭМ РОББ СОЗДАЛ ШЕДЕВР БАЛЬЗАК НА ЕГО СТРАНИЦАХ БУКВАЛЬНО ОЖИВАЕТ, СТАНОВЯСЬ ГЕРОЕМ ЯРКОГО И РАЗНООБРАЗНОГО МИРА, КОТОРЫЙ САМ СОЗДАЛ. УМЕЛО СОЕДИНЯЯ ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЯ, РОББ РИСУЕТ НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ПОРТРЕТ ОДНОГО ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ТРАГИКОМИЧЕСКИХ ТИТАНОВ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА, ОКАЗАВШЕГО И ДО СИХ ПОР ОКАЗЫВАЮЩЕГО ОГРОМНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЬ КАК СВОЕЙ РОДНОЙ ФРАНЦИИ, ТАК И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ. ГРЭМУ РОББУ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО УДАЛОСЬ ПОКАЗАТЬ ГЕНИЯ СО ВСЕМИ ЕГО НЕЛЕПЫМИ НЕДОСТАТКАМИ И ПРОТИВОРЕЧИЯМИ, КОТОРЫЕ ЛИШЬ ПОДЧЕРКИВАЮТ ВЕЛИЧИЕ.

Sunday Independent

БЫЮЩАЯ ЧЕРЕЗ КРАЙ ТВОРЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ И ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ УМ ПОЗВОЛИЛИ Г. РОББУ ДО МЕЛОЧЕЙ ПОНЯТЬ ПИСАТЕЛЯ, НЕ ТОЛЬКО СТАВШЕГО ОСНОВОПОЛОЖНИКОМ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА, НО И ОКАЗАВШЕГО БОЛЬШОЕ ВЛИЯНИЕ НА ДОСТОЕВСКОГО, ФЛОБЕРА, ГЕНРИ ДЖЕЙМСА И ДРУГИХ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ.

Evening Standard

ГРЭМ РОББ НАПИСАЛ БЛЕСТЯЩУЮ БИОГРАФИЮ, КОТОРАЯ ДЕЛАЕТ ЧЕСТЬ ЕЕ ГЕРОЮ. АВТОР И ГЕРОЙ РАВНЫ В УСЕРДИИ И

ПЛОДОВИТОСТИ. СКОЛЬКО ПОНАДОБИЛОСЬ ТРУДОВ И СИЛ, ЧТОБЫ СЛЕДОВАТЬ ЗА БАЛЬЗАКОМ, НЕ ОТСТАВАЯ НИ НА ШАГ, ОТ ОДНОГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ К ДРУГОМУ! СТИЛИСТИЧЕСКИ БЕЗУПРЕЧНАЯ, НАПИСАННАЯ ЖИВЫМ ЯЗЫКОМ, КНИГА ЛЕГКО ЧИТАЕТСЯ И ЗАПОМИНАЕТСЯ НАДОЛГО.

Irish Times

ЭТА КНИГА ОТЛИЧАЕТСЯ ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ ТОЧНОСТЬЮ, ВНИМАНИЕМ К ВАЖНЫМ ПОДРОБНОСТЯМ ЖИЗНИ БАЛЬЗАКА. Г.РОББ АВТОРИТЕТНО И ВСЕСТОРОННЕ ИССЛЕДУЕТ НЕКОТОРЫЕ «ТЕМНЫЕ МЕСТА» ЕГО БИОГРАФИИ, ПРЕЖДЕ ВЫЗЫВАВШИЕ ВОПРОСЫ У ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА.

Spectator

ГРЭМ РОББ МАСТЕРСКИ СВЕЛ ВОЕДИНО РЕЗУЛЬТАТЫ САМЫХ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, СОЗДАВ ЗАНИМАТЕЛЬНУЮ И В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ УДОБОЧИТАЕМУЮ БИОГРАФИЮ ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА, САМА ЖИЗНЬ КОТОРОГО ОТРИЦАЛА КРАТКОСТЬ.

Philadelphia Enquirer

«ЖИЗНЬ БАЛЬЗАКА» – ВЫДАЮЩЕЕСЯ ДОСТИЖЕНИЕ Г. РОББА. ЭТО НЕ ТОЛЬКО СОЛИДНЫЙ НАУЧНЫЙ ТРУД, НО И НЕОБЫЧАЙНО ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ. АВТОР УМЕЛО СМЕШИВАЕТ В ТОЧНОЙ ПРОПОРЦИИ НЕОПРОВЕРЖИМЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ЗАБАВНЫЕ ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ, ВЗВЕШЕННУЮ ОЦЕНКУ И ОСТРОУМНЫЕ ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ТЕМЫ

Guardian

ГРАНАМ РОББ

BALZAC

A large, elegant handwritten signature of Balzac in cursive script. The letters are fluid and connected, with a prominent flourish at the end.

Copyright © 1994 by Graham Robb

Предисловие

Хотя Бальзак интересует нас прежде всего как один из величайших европейских писателей, он, помимо того что стал основоположником современного романа, был также любовником, бизнесменом, политиком, туристом, охотником за приданым, мошенником и дизайнером интерьеров. Он так активно, так пылко жил в описываемом им столетии, что становится великолепным героем биографии. Покидая пределы своего кабинета, Бальзак, в отличие от многих, не был соломинкой, которую несет по течению реки жизни. Бальзака можно сравнить с настоящей землечерпалкой. Двигаясь вперед, он сам прокладывал себе русло, и события его жизни в замечательной степени служат отражением его характера.

Бальзак – одновременно олицетворение своего века и самое яркое исключение из него. Он приехал в Париж из провинции в то время, когда межклассовые границы начали стираться, и довершил взлет своего отца, крестьянского сына, подружившись с банкирами, дипломатами и политиками, сотрудничая или враждуя почти со всеми писателями, достойными упоминания. Среди его любовниц были две герцогини, а впоследствии он женился на графине-польке, с которой переписывался целых шестнадцать лет. С того мгновения, как Бальзак положил себе стать гением, его жизнь напоминала энциклопедию, объединенную общим сюжетом. Он учился на юридическом факультете, подвергал себя добровольному заточению в мансарде, откуда надеялся выйти великим философом и поэтом. Изнанка жизни большого города очаровала его. Первые романы вышли в свет под псевдонимами; они отличались кровожадностью, сентиментальностью и откровенной слабостью.

Его деловые предприятия, которые оканчивались катастрофой, помогли ему лучше разобраться во всех сторонах книгоиздательского и книготоргового дела, описанных позднее в «Утраченных иллюзиях». В 1831 г., когда Бальзак прославился после выхода в свет «Шагреневой кожи» и его называли розовощеким, пухлым романтиком, его противоречия буквально бросались в глаза. Будучи рационалистом, он очень интересовался сверхъестественными силами; зоркий наблюдатель за жизнью общества, он считал своих героев реальными людьми. Людей настоящих он любил, соблазнял или делал прототипами своих персонажей. Великий фантазер, он верил, что количество жизненного флюида, известного под названием «сила воли», уменьшается с каждым желанием. Защитник семьи, он стал отцом по крайней мере одного незаконнорожденного ребенка и отличался широтой сексуальных пристрастий. Бальзака, человека с феноменальной способностью к самообману, по словам Генри Джеймса, можно считать «окончательным авторитетом в вопросах человеческого характера»¹. Со временем странности и противоречия лишь усиливались. Бальзак – реалист и провидец. Он политик и мыслитель, защищавший парламент и осуждавший пороки демократии; монархист, которого марксисты провозгласили революционером – именно поэтому его книги широко издавались в коммунистических странах. Бальзак стал последним традиционным рассказчиком и отцом современного романа, оказавшим влияние почти на все современные критические школы.

Все творцы растворяются в своих творениях; но таким образом они раскрывают тайны, с которыми не справились при жизни и которые иногда даже не сформулировали для себя до конца. Главное творение Бальзака – «Человеческая комедия», состоящая из ста с лишним романов, повестей, этюдов и нескольких неоконченных произведений. С политической и нравственной точки зрения эпоха, отображенная в «Человеческой комедии», – важная веха европейской истории, время революций, время начала индустриализации до тех пор во многом феодального общества. Эпопея Бальзака о современной ему жизни отражает стремление писателя осмыслить мир во всем его многообразии и изменить его к лучшему, нарисовать всеобъемлющую, цельную, научную картину общества и человеческого опыта. Этой задаче отвечает и подчеркнутое внимание к повседневным мелочам, и подробное, детальное описание того,

как работает машина государственной власти. Наряду с Шекспиром и Диккенсом Бальзак – наиболее плодовитый создатель запоминающихся персонажей в западной литературе: только в «Человеческой комедии» их более двух тысяч. Они связаны между собой сложными родственными и неродственными отношениями (генеалогическая таблица персонажей Бальзака занимает три стены отдельного зала в его парижском Доме-музее). Хотя, если добавить сюда персонажей, вычеркнутых при правке, тех, о чьем существовании упоминается лишь вскользь, а также представителей животного мира, изображенных очень ярко, общее количество персонажей переваливает за 3500.

«Человеческая комедия» – всего лишь величайший континент на планете Бальзака. Помимо нее, в его творчество входят ранние «коммерческие» романы, от которых он отрекся и позже переиздал под другими названиями; несколько еще более ранних попыток нащупать почву почти во всех мыслимых жанрах; свыше тридцати эротических рассказов, изящно стилизованных Бальзаком в форме средневековых французских фавлю; несколько пьес – комедий и драм. Кроме того, Бальзак два десятилетия трудился в жанре литературной критики и написал немало политических статей. Интересны его свидетельства очевидца о Франции эпохи Луи-Филиппа. Нельзя забывать и о пяти томах писем – длинных, дополненных еще пятью сотнями рассказов о финансовых и душевных катастрофах и триумфах, которые читаются как романы с продолжением. Письма Бальзака к будущей жене, вышедшие отдельным изданием, составили необыкновенно подробный писательский дневник – точнее, гигантский роман с реальными прототипами, объем которого равен примерно четверти «Человеческой комедии». Есть также записки, наброски, отрывки, книги, подписанные другими, самореклама, предисловия, манифесты, памфлеты, проекты законов, анекдоты, афоризмы и несколько интереснейших дорожных записок XIX в., или, говоря современным языком, травелогов.

Необъятность творческого наследия Бальзака обеспечила основу для данной биографии. Каждое его произведение автор прочел, в большинстве случаев, не менее двух раз, понимая, что подобный метод грешит одним существенным изъяном. Биограф невольно пропитывается неискоренимо бальзаковским взглядом на жизнь и тем самым лишается объективности. И все же Бальзака вряд ли можно охватить, не совершив хотя бы одного кругосветного плавания по сотворенному и населенному им миру. Бальзак и сам признавал это, когда писал графине Маффеи в 1837 г.: «Я считаю за оскорбление, когда обо мне говорят, что я глубок, и вместе с тем пытаются узнать меня за пять минут. Между нами, я не глубок, зато очень широк, и на то, чтобы обойти вокруг меня, требуется время»². (Правда, он надеялся, что графиня попробует проверить его утверждение на практике.)

С тех пор как семнадцать лет назад, еще в аспирантуре, я отправился в свое путешествие, я прошагал, надеюсь, достаточно, чтобы создать по крайней мере иллюзию трехмерного пространства.

Жизнь Бальзака в описаниях, сделанных другими, сама почти достойна отдельной биографии. После нежных воспоминаний о нем сестры и Теофиля Готье Бальзак надолго превратился в героя многочисленных анекдотов. Его изображали либо опасно развращенным выскочкой с крестьянской внешностью и крестьянскими мозгами, который одевался как аристократ и имел аристократические же претензии, либо как неумелого путаника, гения по наитию, неспособного отличить явь от вымысла. Став знаменитым, Бальзак породил и собственный образ, который до сих пор играет с ним злую шутку, – кофеман, прикованный к письменному столу с полуночи до полудня, который сочиняет порнографические истории, надев монашескую рясу; нелюбимый ребенок, который появился на свет по ошибке, наделенный всеми умственными и душевными недостатками.

Столкнувшись с набором расхожих выдумок, первые биографы Бальзака как будто задавали себе первый философский вопрос, которым задавался Витгенштейн: «Зачем говорить

правду, если выгоднее солгать?» Им, во всяком случае, не удалось найти на этот вопрос убедительный ответ. Некоторые самые отталкивающие, корыстолюбивые персонажи Бальзака отомстили своему создателю в скудных, несправедливых биографиях, где добродетельные сентенции идут рука об руку с плагиатом и где причинно-следственные связи устанавливаются с поразительной уверенностью, где непредсказуемость жизни признается только на словах. С появлением солидных, научных трудов Андре Бийи (1944), Стефана Цвейга (1946) и Андре Моруа (1965) посмертная судьба Бальзака изменилась. Менее предвзятое отношение к его творчеству постепенно способствовало признанию того, кто так убедительно сам творил из себя легенду. Едва ли такой человек способен был пронестись над более чем полувековой историей французского общества на облаке бессознательности. В этих биографиях вырисовывается Бальзак более закрытый и не уверенный в себе. Позднейших биографов – Пьера Ситрона и Мориса Бардеша – прежде всего интересовали страсти, описанные в романах Бальзака, многообразные страсти, превратившие критику «Человеческой комедии» из подсматривания в замочную скважину в любование действием на широком экране. Однако было бы жаль, если бы бальзаковедение добралось лишь до развилки: пойдешь в одну сторону – попадешь в зачарованный лес, полный легенд (в котором, разумеется, спит сам романист), пойдешь в другую сторону – попадешь на каменистое поле фактов и подробностей, из которых Бальзака надо выкапывать лопатой. Совершенно не нужно полагать, что какие-либо грани творчества Бальзака – в том числе и те, что по традиции считаются заповедником научного сообщества, – непременно скучны по самой своей сути. Точно так же ошибочно считать, будто интересное изложение непременно обесценит научные факты. При подобном подходе теряется лишь одно – иллюзорное нравственное превосходство исследователя, вызванное гордостью за самого себя: он приобрел новые знания, преодолевая скуку!

Позволив Бальзаку убедить себя в том, что фантазия – союзница победы, я с радостью и добровольно попался в ловушку. Иногда, вытянув нить из запутанного клубка, начинаешь кое-что понимать, хотя было бы куда приятнее оставаться в сомнениях. Тем не менее я постарался привести доказательства своих мыслей таким образом, чтобы читатель имел все основания не согласиться со мной – а если со мной согласятся все, мне вряд ли удастся объявить, что я представил Бальзака во всей его непостижимой жизнестойкости. Все забавные истории о Бальзаке, призванные расцветить его биографию, либо подтверждаются многочисленными свидетельствами, либо рождены самим Бальзаком и стали частью придуманного им образа.

Эта книга – первая полная биография Бальзака на английском языке после трудов Мэри Сэндерс (1904), Фредерика Лоутона (1910) и Фрэнсиса Гриббла (1930). Позже на английский язык перевели биографии Бальзака, написанные Цвейгом и Моруа. Превосходную краткую биографию Бальзака составил один из лучших его переводчиков на английский, Герберт Дж. Хант (1957), также достоин всяческих похвал прекрасно иллюстрированный труд В.С. Притчетта (1973), основанный на книгах Бийи, Цвейга и Моруа. Интерес к Бальзаку – не только в англоязычном мире – продолжает расти. После биографического исследования творчества Бальзака, сделанного Морисом Бардешем в 1980 г., в свет вышло еще несколько тысяч статей и книг; стали известны новые факты. Появилось двенадцатитомное издание «Человеческой комедии» под редакцией Пьера Жоржа Кастекса, Рожер Пьеро выпустил обновленное издание писем к Эвелине Ганской, а юношеские сочинения Бальзака и его цикл «Озорные рассказы» вышли в новом издании в 1990 г., составив сборник «Избранные произведения». Все путешественники по реальной и вымышленной вселенной Бальзака чувствуют себя в таком неоплатном долгу перед теми, кто проложил для них прямые дороги и позволил восхищаться пейзажами, что легко забыть, какой героизм вселял Бальзак в своих поклонников. Я воспользовался всеми имеющимися материалами, а также сам внес некоторый вклад в развитие темы, представив вниманию читателей факты, истории и версии, предложил несколько разгадок и, конечно,

вопросов. Ничто другое не в состоянии извинить огромное тщеславие, подвигнувшее меня взяться за биографию одного из лучших в мире выдумщиков.

Приведены названия произведений на французском; список всех произведений с переводом названий дается в приложении¹. Для англоязычных читателей почти все названия не представят трудностей.

Все отрывки, которые приводятся в тексте, переведены мною; многие куски и даже названия фигурируют на английском языке впервые².

Источники цитат приводятся в примечаниях, кроме тех случаев, когда оригинал установить легко, например по дате письма. Иногда, чтобы избежать нагромождения ссылок в тексте, цитаты, относящиеся к одному и тому же источнику, объединяются в одну ссылку.

Для того чтобы прочесть биографию Бальзака, не обязательно быть бальзаковедом, хотя отчасти я написал свою книгу для того, чтобы у читателей возникло желание открыть для себя мир его произведений. Биографию можно сравнить с дрессировкой льва, лишенной риска. К Бальзаку, возможно, чаще, чем к любому другому писателю, относились снисходительно-покровительственно. Иногда подобный подход применяется ко всему прошлому в целом. У читателя невольно возникает подозрение в том, что биограф хочет насладиться своим конечным превосходством: превосходством жизни над смертью. Когда речь идет о Бальзаке, ни о каком подобном превосходстве речи быть не может. Предчувствие Оскара Уайльда о том, что он превращается в бальзаковский персонаж, должно послужить предостережением всякому, кто решит снисходительно отнестись к великой эпопее XIX в. с ее сотней открытых дверей и лишь одним выходом: «Почитайте-ка Бальзака как следует, и наши живущие ныне друзья окажутся просто тенями, наши знакомые – тенями теней. Его персонажи живут своей яркой, пылкой жизнью, полной страстей. Они возвышаются над нами и борются с неверием. Одна из величайших трагедий моей жизни – смерть Люсьена де Рюампре. От этого горя я так и не сумел исцелиться до конца. Оно преследует меня в минуты радости. Я вспоминаю о нем, когда смеюсь. Но Бальзак – не более реалист, чем был реалистом Гольбейн. Он создавал жизнь, а не копировал ее».

По мере того как я писал о Бальзаке и близко общался с его героями, я понял, что побочный эффект, замеченный Оскаром Уайльдом, можно нейтрализовать и даже обратить вспять. В последнее время велось много дискуссий о биографии как таковой. Многие считают биографию скрытой автобиографией (в то время как автобиографию считают повествованием о вымышленном персонаже). Однако участники подобных дискуссий все время упускают из виду один важный побудительный мотив для написания биографии: возможность подвергнуть испытанию друзей и целые учреждения. Я воспользовался такой возможностью со всем пылом, соответствующим сути дела.

Клод Пишуа, который стал моим первым проводником по улицам и салонам «Кузины Бетты» и в ряде случаев помог мне продлить вид на жительство (*carte de séjour*) в XIX в., прочел машинописный текст рукописи и внес несколько весьма важных замечаний и исправлений. Я сердечно благодарен Питеру Стросу и Стерлингу Лоуренсу, которым удалось сделать свои замечания одновременно ехидными и вдохновляющими. Стивен Робертс указал на существенные недостатки книги, хотя на первый взгляд хвалил ее. Поистине бесценными оказались для меня эрудиция и гостеприимство Джеффри Нита. Я благодарен Жану Бруно за его замечания и помощь.

¹ В данном издании названия романов даются дважды: по-русски (при первом упоминании) и в скобках по-французски. (Примеч. пер.)

² В ряде случаев переводы отрывков на русский язык цитируются по изданию: Бальзак Оноре. Собрание сочинений в 24 т. Библиотека «Огонек». М.: Правда, 1960. (Примеч. пер.)

Особая благодарность – моему агенту, Джил Кольридж, которая в ответе за эту книгу и в буквальном, и в метафизическом, неосязаемом смысле.

Большое спасибо тем, кто терпеливо отвечал на мои вопросы и помог собирать материалы. Перечисляю их в алфавитном порядке. Жан-Поль Авис из Исторической библиотеки в Париже, Тьерри Боден, Ален Брюне (за помощь при работе над главой 13), Николь Динзар из Муниципальной библиотеки Тура, Хелен Доре, Филип Коллинс, Георг Крейсел, Гислен Курте, Анна Панчо, Хелен и Реймонд Подженберг (за книги и кров), Эдвард Престон, Эверард Робинсон (за эквивалент замка Саше), Клер Томален, Грегори Хатчинсон, Джим Хиддлстон, Жан Циглер и Пьер Энкель (за слова, найденные только у Бальзака).

Я много почерпнул в научных учреждениях и библиотеках. Во Франции большую помощь мне оказали: Национальная библиотека, Библиотека Института (собрание Спульберга де Ловенжуля), Дом-музей Бальзака в Пасси, замок Саше, Музей изящных искусств в Туре, Музей Виль-д'Авре, Музей изящных искусств Безансона, архивы Орлеана, Архивы Виллербана. В Великобритании: Библиотека Тейлора, Бодлеанская библиотека, Национальная портретная галерея и автоматическая библиотечная служба Оксфордского университета. В Соединенных Штатах: Центр У.Т. Банди по изучению Бодлера в Университете Вандербильта. Кроме того, благодарю за помощь Американское и Британское общества психиатров.

Я собирался посвятить «Бальзака» Маргарет, но она внесла столько ценных замечаний и исправлений и с самого начала была так неотразимо искренна, что стала практически моим соавтором.

Г. М. Р.

Часть первая

Глава I

Провинциальная жизнь (1799—1814)

Утверждение, типичное для Бальзака: «Несущественного не бывает». Важно все: питание матери, мужская сила отца и, самое главное, «поза» родителей во время зачатия³. Страсть к генетике Бальзак унаследовал от отца, который вынашивал «странные идеи» улучшения человеческой расы. К сожалению, отец никогда не рассказывал будущему великому писателю, в какой позе он был зачат. Для нас история жизни Бальзака должна начинаться с его рождения. Он родился в Туре 20 мая 1799 г. в 11 часов утра.

Почти через сто лет Генри Джеймс, который отправился в паломничество «по бальзаковским местам» в долину Луары, был потрясен, узнав, что человек, который «больше, чем кто-либо после Шекспира, разбирался в человеческой жизни», родился в скромном жилище, «стоящем в сплошном ряду домов с общей стеной». Более того, он появился на свет в доме, которому к моменту его рождения «было всего двадцать лет». «Если уж жилье, которому выпала такая честь, не было старинным, потемневшим от времени, ему следовало хотя бы стоять особняком»⁴. И все же кажется символичным, что человек, посвятивший жизнь наблюдению за личной жизнью современников, провел первые годы в пределах слышимости соседей.

Сам Бальзак с удовольствием относился к своим «исходным данным». Рожденный в 1799 г., он считал, что имеет запас прочности на сто лет и вполне может застать три века. 1799 г. оказался знаменательным и с исторической точки зрения: тогда Бонапарт стал первым консулом. Впоследствии Бальзак тоже построит свою империю. Придуманный им мир окажется таким реальным, что в словах Оскара Уайльда, сказавшего, что Бальзак «изобрел девятнадцатый век», похоже, только доля шуток.

Ну а дом, так разочаровавший Генри Джеймса, стоял в деловом центре Тура, на улице «с тротуарами с обеих сторон», более того, «на единственной приличной улице Тура», ибо остальные были «темными, извилистыми, узкими и сырыми». Той улице, по мнению Бальзака, не доставало лишь одного: памятника Декарту и Рабле, самым прославленным уроженцам края⁵. Благодаря теплоте климату и изобилию Турень всегда служила настоящей питательной средой для гениев. Вернувшись позже на родину, Бальзак испытывает восхитительное чувство, похожее на то, как если бы его зарыли по шею в огромный паштет фуа-гра⁶. Для него в Турени причудливо сплетались романтическая экзотика и домашний уют. Наверное, сходное чувство испытывает ребенок во чреве матери. Турень стала для него землей лотофагов в центре Франции. Попадая туда, утверждал он, люди становятся «вялыми, праздными и счастливыми». Правда, сам Бальзак был другим. Он страдал бы от «пересадки», которая, по его словам, помогает уроженцу Турени приносить плоды⁷.

Наконец, он получил имя, достойное гения. Фамилия его отца – Бальса. Эта фамилия в нескольких вариантах до сих пор остается весьма распространенной в горах Оверни. Ее носят крестьяне, уроженцы высокогорья. Поднявшись по социальной лестнице, отец Бальзака изменил фамилию, притязая на родство со старинным дворянским родом, а впоследствии и добавил к ней аристократическую частицу «де». Ему нравилась звучность и решительность фамилии Бальзак. Она стала не ярлыком, но мощным талисманом. По теории одного из бальзаковских персонажей, «“з” взлетает, как ракета»⁸.

Такой образ легко приложим к отцу Бальзака⁹. Бернар Франсуа Бальса родился в 1746 г. в крестьянской семье, жившей на хуторе возле Альби на юге Франции. Он стал старшим из одиннадцати детей. Так как перспектива работать в поле, как отец, его не прельщала, он попросил приходского священника научить его грамоте и скоро стал клерком в конторе стряпчего. Там он открыл для себя устройство французского общества и, когда ему не исполнилось и двадцати лет, отправился в Париж искать счастья.

К тридцати годам Бернар Франсуа достиг того, на что обычно уходят усилия нескольких поколений. Сначала он устроился учеником в контору государственного обвинителя, затем, в 1776 г., стал секретарем Королевского совета. Благодаря своему посту он обзавелся несколькими влиятельными знакомыми. Его карьере, несомненно, помогло и то, что он стал масоном. Во время Великой французской революции он благоразумно держал нос по ветру. Сначала он как будто заразился революционной лихорадкой. По сведениям из полицейского рапорта, гражданина Бальзака видели ночью 6 августа 1792 г. Он размахивал саблей и «призывал обезглавить короля и королеву». Как обычно, он был на шаг впереди своих современников. Его воодушевление выходило за рамки политики. В годы террора он помог нескольким своим бывшим покровителям эмигрировать из страны. Бернар Франсуа сильно рисковал. От последствий его спас неизвестный благодетель, возможно Дантон. Бернара Франсуа послали на север страны и поручили организовать поставки продовольствия в армию. В 1795 г. его перевели в Тур; он по-прежнему занимался снабжением.

На новом месте Бернару Франсуа очень понравилось. Он наслаждался в стране Рабле, «прославленного выдумщика с непоколебимым добродушием»¹⁰. Он даже начал считать Турень своей настоящей родиной. Хотя Бернара Франсуа считали чудачком, ему покровительствовал местный префект генерал Померель, тоже масон. Как-то предложили Бернару Франсуа стать мэром города. Он отказался, предпочитая тратить свою неукротимую энергию на руководство больницей, к которому он приступил в 1803 г. На своем посту он с одинаковым рвением боролся и с болезнями, и с чиновниками.

Головокружительный взлет Бернара Франсуа объяснить непросто. Бальзак-сын, что для него типично, считал, что все дело в огромном запасе у его отца загадочной физической субстанции – силы воли. В доказательство он обычно рассказывал о случае, произошедшем с его отцом, когда он только приехал в Париж: «Его поселил у себя прокурор. По обычаям того времени, клерки питались за одним столом с хозяевами. Как-то к обеду подали куропаток. Жена прокурора, не сводившая глаз с нового клерка, спросила его: “Мсье Бальзак, вы умеете разделять куропатку?” – “Да, мадам”, – ответил молодой человек, покраснев до корней волос. Он набрался смелости и взял нож и вилку. Хотя он понятия не имел о правилах разделки птицы, он все же разрезал куропатку на четыре части, но так усердно, что разбил блюдо, порвал скатерть и поцарапал столешницу. Не слишком ловкий его поступок произвел огромное впечатление. Жена прокурора улыбнулась, и с того дня в доме относились к молодому клерку с большим уважением»¹¹.

В 1797 г. Бернар Франсуа наконец решил жениться на Анне Шарлотте Лоре Саламбье, хорошенькой дочери галантерейщика. Ее «приличные» и «тщеславные» родители жили в парижском округе Марэ. Свадьбу устроил ее отец, бывший коллега Бернара Франсуа. Лоре было всего восемнадцать, а ее мужу – пятьдесят. Даже для того времени брак был необычным; но от него выиграли оба. Бернар Франсуа, который намеревался остаток жизни наслаждаться покоем, позволил своим иждивенцам «свободу, которую он хотел для себя»¹². Для Лоры же супруг со старомодными представлениями о терпимости в браке стал гарантом независимости.

Не будь у нас других источников информации, можно было бы предположить, что Бернара Франсуа выдумал его сын. Он обладал качеством, которое обычно встречается лишь у героев комических романов: несокрушимой верой, что он может влиять на законы природы.

Родная дочь сравнивает Бернара Франсуа с дядюшкой Тоби из «Тристрама Шенди». Самым большим его хобби было долголетие. Он считал, что «жизненные силы» – свежий воздух, удобная одежда, умеренность во всем и одна груша на ужин – помогут ему дожить до ста лет. Уверенный в успехе, он вложил почти все свое состояние в тонтину, систему страхования с общим фондом, при которой всю сумму страховки получает член фонда, переживший остальных. Бернар Франсуа, таким образом, превосходно позаботился о том, чтобы родные ухаживали за ним в преклонном возрасте. Позже Бальзак сделал вывод, ставший одним из примеров его нестандартного мышления: хотите жить долго – обзаведитесь захватывающим хобби.

Через год и четыре месяца после свадьбы у супругов родился первенец. Луи-Даниэль появился на свет 20 мая 1798 г. Он прожил всего тридцать три дня¹³.

Оноре родился ровно через год после Луи-Даниэля, 20 мая 1799 г. Отец не придавал значения тому, что многие сочли бы дурным предзнаменованием, и назвал сына в честь святого Оноре, на чей день пришлось рождение мальчика. Затем, словно желая подчеркнуть, что он не заражен религиозными предрассудками, он отказался крестить сына.

Позже первая любовница Бальзака, желая сделать ему комплимент, говорила, что он «орел, высиженный гусыней»¹⁴. Бальзак с ней согласился. В подтверждение он мог бы заметить, что через несколько часов после рождения его перевезли в дом кормилицы. Печальный пример поэтической несправедливости: его отправили в дом человека, торговавшего птицей.

Сестра Бальзака, Лора, весьма типично для себя объясняет такой поступок родителей в краткой биографии брата, которую она издала после его смерти: «Матушка потеряла первенца, так как хотела кормить его сама. Когда на свет появился малыш Оноре, ему подобрали опрятную кормилицу, жившую на окраине города в славном, светлом домике, окруженном садом». В свидетельстве о смерти Луи-Даниэля действительно записано, что мать кормила его сама. Хотя умер ребенок все-таки не дома, а у птичницы на соседней улице¹⁵.

Видимо, г-жа Бальзак подчинилась влиянию мужа, который убеждал ее растить первенца в соответствии с наставлениями, изложенными в «Эмиле» Руссо. В свидетельстве о рождении Оноре имеется запись N.P.E. – *nourri par étrangère*, то есть «вскормлен не дома». Запись доказывает, что г-жа Бальзак не стала повторять опыт со вторым ребенком. К несчастью для Оноре, смерть брата была не единственной причиной своеобразного отношения к нему матери, которое он позже расценил как отказ от себя. В 1799 г. общественная жизнь оживала после долгих лет революции, и молодая мать Оноре поспешила воспользоваться удобным случаем. Как указывает Бальзак, более откровенно, чем многие его биографы, и все же с ноткой горечи, «женщины сражались из-за героев империи, и девяносто девять процентов матерей отдавали младенцев кормилицам»¹⁶. В письмах он также намекает на то, что Луи-Даниэль имеет какое-то отношение к его судьбе: «Мать возненавидела меня еще до того, как я родился...»¹⁷

Для отца Бальзака кормилица стала разумным компромиссом: крестьяне ведут более здоровую жизнь, чем так называемые «цивилизованные люди»; воздух на окраине города чище, чем в центре, и вообще в кормилице нет ничего дурного. Самого Бернара Франсуа в детстве подкладывали к козе, у которой он пил молоко. Как ехидно предполагает анонимный биограф¹⁸, именно поэтому позже он вел себя как козел. Козье молоко Бернар Франсуа считал одной из составляющих своего железного здоровья: разве младенца Зевса не вскормила коза по имени Амалфея?

Ранние годы Бальзака сопровождаются не таким большим количеством мифов, отчасти потому, что в его вымышленном мире достаточно кормилиц, которые встречаются в любых положениях и событиях. Еще больше затемняют суть дела «реалистические» приемы Бальзака: истории, которые на первый взгляд кажутся «истинной правдой», оказываются выдумкой, зато события, окруженные ореолом нереальности, происходили на самом деле, хотя позже и были слегка видоизменены. Впрочем, сейчас можно развенчать одну легенду, которую упорно

повторяли многие биографы. Считалось, что первые годы жизни Оноре провел в доме жандарма. В письме будущей жене он утверждал, что его отдали кормилице, chez un gendarme¹⁹. Как то часто бывает с Бальзаком, самая утешительная версия – будущий смутьян, выросший в доме опоры общества, – оказалась ложной. Бальзак обозвал «жандармом» саму кормилицу, употребив это слово в его разговорном значении: грозная, вздорная женщина²⁰.

Возможно, сварливая кормилица, «жандарм в юбке» – одно из тех мифических чудовищ, которыми Бальзак населил свое детство. Ему нравилось считать себя одиноким, любящим героем, брошенным в суровый, но увлекательный мир. Несмотря на это, при беспристрастном анализе искажение переносится и на скучную реальность. Насильственное отторжение Оноре от родительского гнезда оказалось не просто медицинской предосторожностью. Он продолжал жить у кормилицы и после отлучения от груди. Первые годы жизни он провел на другом берегу реки, в деревне Сен-Сир. К родителям он вернулся в четыре года.

К сожалению, впоследствии Бальзак стал разделять мнение своего отца о том, что материнское молоко – единственная пища, пригодная для младенца; все остальное, говорит он, скорее всего, породит неестественное, изуродованное создание²¹: может быть, то самое создание, которое иногда появляется в шутовских нарядах в романах Бальзака. В его творчестве постоянно всплывает образ материнской плоти – тут есть над чем задуматься психоаналитику. В одной сцене горбун мечтает поджарить большую женскую грудь и сожрать ее «даже без соуса»²². В «Старой деве» серьезный молодой герой сравнивает пышные прелести мадемуазель Кормон с «жирной куропаткой, привлекающей чревоугодников»²³. Щекочущее нервы сочетание полового влечения и садизма наводит на мысль о сильной обиде на мать, на горечь утраты, на желание захватить то, чего он был лишен. Впрочем, и горбун, и серьезный молодой герой живут собственной богатой вымышленной жизнью.

В сентябре 1800 г. у Оноре родилась сестра Лора, а около 1802 г. – еще одна сестра, Лоранс. На следующий год детей повезли в Париж, в гости к бабушке – матери г-жи Бальзак. Вскоре после их визита дед Бальзака умер от сердечного приступа. Он был на два года моложе Бернара Франсуа; возможно, зять отпустил ряд уместных замечаний о тлетворном парижском воздухе и необходимости есть свежие овощи. Мадам Саламбье переехала к дочери в Тур, где стала надежной, хотя и не слишком влиятельной союзницей детей Бальзак.

В 1803 г. родители решили, что Оноре и Лоре уже можно вернуться домой. Вскоре Бальзаки переехали в новый дом под номером 29 на той же улице²⁴. В отличие от того дома, где родился Бальзак, – его разбомбили в 1940 г. вместе с почти всем старым городом – второй дом по-прежнему стоит на улице Насьональ, только теперь он значится под номером 53. Детям новое жилище показалось огромным – двор с конюшней и службами, две кухни, пять погребов, парадная гостиная с отдельным входом. В гостиной – своем салоне – г-жа Бальзак принимала многочисленных посетителей. Оноре отвели комнату на третьем этаже, куда приходилось подниматься по деревянной лестнице.

По сравнению с родительским домом жизнь у кормилицы казалась раем. Детей без конца инспектировали; у них находили бесконечные недостатки. Прощание перед сном превратилось в торжественную церемонию. Г-жа Бальзак отличалась мнительностью; по словам Лоры, она гордилась своей способностью угадать по лицам детей малейшие признаки непослушания. Может быть, именно материнские инспекции и допросы с пристрастием легли в основу интереса Бальзака к физиогномике, который не покидал его всю жизнь. Физиогномика представляла для него не научный и даже не литературный интерес, но была средством выживания.

Краткое пребывание маленького Оноре под крышей родительского дома отмечено двумя происшествиями, проливающими свет на психологическую атмосферу. О первом происшествии Бальзак вспоминает в «Лилии долины»; рассказ о событиях тридцатилетней давности

звучит из уст главного героя. Теперь можно лишь гадать, насколько правдив тот разоблачительный эпизод. Когда речь заходит о биографии, главное препятствие заключается не в точности изложения, но в хронологии:

«Обо мне так мало заботились, что гувернантка подчас забывала уложить меня спать. Как-то вечером, спокойно примостившись под фиговым деревом, я смотрел с чисто детским любопытством на яркую звезду, и под наплывом печальных мыслей мне чудился в ее мерцании проблеск дружеского участия... Мать случайно заметила мое отсутствие. Желая избежать упреков, грозная мадемуазель Каролина, наша гувернантка, подтвердила опасения матери, заявив, что я ненавижу бывать дома, что без ее бдительного надзора я бы давно сбежал, что я не глуп, но скрытен и хитер, что среди всех детей, которых ей приходилось воспитывать, не было ни одного с такими дурными наклонностями. Гувернантка притворилась, будто ищет меня, и стала звать, я откликнулся; она подошла к фиговому дереву, заранее зная, что я там.

– Ты что тут делаешь? – спросила она.

– Смотрю на звезду.

– Ты не смотрел на звезду, это неправда, – проговорила мать, наблюдавшая за нами с балкона, – разве в твоём возрасте интересуются астрономией?!»²⁵

Равнодушная гувернантка фигурирует и в биографии, написанной Лорой. Мадемуазель Делайе, пишет она, прививала своим воспитанникам почтение, послушание и, превыше всего, страх. Следует заметить, что гувернантки в то время занимали неопределённое положение между буржуазией и обслугой; платили им очень мало. Если им попадалась мнительная хозяйка, такая как г-жа Бальзак, гувернантки, наверное, считали, что проще всего держать детей в страхе. Бальзак догадывался, что причиной подобного отношения тоже была его мать, любившая диктовать свою волю, считавшая проявления ума признаками неповиновения. К сожалению, она ещё рассчитывала впоследствии получить приличную награду за свои труды.

«Наступает время, – пишет Бальзак, – когда дети судят родителей»²⁶. Для него такое время наступило рано; и, может быть, его мать понимала, что сын судит ее.

Случай, о котором идет речь в «Лилии долины», показывает, что Бальзак стремится облачить себя в ранние годы в костюм романтического героя. В его детских воспоминаниях ощущаются отзвуки «Исповеди» Руссо, а также произведений, в которых речь идет о детской страсти, подчас даже кровосмесительной – «Поле и Виргинии» и «Рене» Шатобриана. Впрочем, Оноре как будто сохранил мало сходства с тем заброшенным ребенком, какого он любит вспоминать. Лора помнит его «славным мальчуганом». Она пишет: «...когда нас вместе вели на прогулку, его обычно все замечали благодаря его счастливой внешности: хорошо сформированному, улыбающемуся рту, огромным, лучистым карим глазам, высокому лбу и густым черным волосам». Правда, затем Лора простодушно признается, что жизнерадостное личико Оноре считалось серьезным недостатком: его веселье и крепкое здоровье не позволяли их матери «тревожиться за него» и потому относиться нежно и с любовью. Бернар Франсуа считал, что природа свое возьмет, но его жена шагала в ногу со временем: дети для нее по самой своей сути были источником неудобств и неприятностей и нуждались в исправлении.

Самое первое неудобство связано с красной скрипочкой. Благодаря скрипке Оноре обрел своего первого слушателя – Лору: «Бывало, он пикировал на ней без конца – часами... и лучезарно улыбался, как будто слышал чудесные мелодии». Лора умоляла брата прекратить, но он изумленно спрашивал ее: «Неужели ты не слышишь, как это красиво?» Возможно, Оноре вдохновлял недавний пример Паганини, который, как говорили, буквально завораживал публику своими неистовыми импровизациями. Бальзак рано открыл для себя великую тайну искусства: истинная красота чаще прячется в голове художника, чем показывается взору зрителя. Позже его открытие вызовет к жизни «Философские этюды», повести «Гамбара» (Gambara) и «Неведомый шедевр» (Le Chef-d'Oeuvre Inconnu). В обеих повестях мечта о несбыточном идеале

уничтожает само творчество. Настало время для Оноре спуститься к началам – в данном случае к начальным классам школы.

Вначале г-жа Бальзак собиралась учить Оноре сама. К счастью для него, она передумала. Материнские заботы уступили место бурной личной жизни. Незадолго до того, как Оноре исполнилось пять лет, в апреле 1804 г., его отдали приходящим учеником в расположенный поблизости пансион Леге²⁷. Небольшой пансион располагался в центре старого Тура; там обучались сыновья купцов и буржуа, границы между которыми снесла революция. За 6 франков в месяц их обучали читать и писать. Уроки продолжались шесть часов. В основном им читал вслух старичок, г-н Док, у которого тряслись руки; а его костюм стойко пережил полвека перемен. Изредка его сменял г-н Бенуа, который обучал их писать красивым «английским» почерком. Любимыми уроками Бальзака были уроки каллиграфии.

Оноре каждый день провожал в школу отцовский камердинер. В его корзинке с завтраком лежали сыр и сухофрукты. В обеденный перерыв Оноре очень стеснялся своей корзинки (по мнению, в котором каждая поддающаяся проверке деталь оказывается верной с автобиографической точки зрения и к которому сестра Бальзака относится как к истории из собственной жизни). Другие мальчишки уплетали блюда, которыми до сих пор славится Тур: бутерброды со свиным паштетом (*rillettes*) или свиные шкварки, по виду напоминавшие трюфели (*rillons*). Хотя припасы одноклассников нельзя было назвать роскошными, дома Оноре не пробовал ничего подобного. Замечая, как он жадно смотрит на их обеды, другие мальчишки, считавшие его «богачом», дразнили его²⁸.

В «Лилии долины» (*Le Lys dans la Vallée*) Бальзак устами героя вспоминает о своих неудачных попытках отомстить обидчикам и о том, какая затем последовала травля: ему в спину швыряли камни, завернутые в носовые платки. Камердинеру пришлось за него заступиться. Первые дни учебы Бальзак почти всегда рисует в мрачных тонах. Позднейшие отзывы о его поведении в школе наводят на мысль о том, что он был бунтарем, который пользовался довольно большой популярностью среди своих сверстников; возможно, над его пылкостью и доверчивостью смеялись, но подавить его было нелегко. Кроме того, пансион Леге был единственным местом, где будущий писатель встречался с типичными представителями Турени и с турским диалектом, о котором позже он всегда упоминает с нежностью и с долей ностальгии. Происшествия, о которых идет речь в «Лилии долины», выражают боль гораздо более глубокую. По мнению Оноре, главной виновницей его страданий была мать. В романе, когда слуга рассказывает матери героя о том, как обижают ее сына, она отвечает так же, как потом писала в письмах сама г-жа Бальзак: «От этого проклятого мальчишки одно горе!»

К сожалению, ни одного отзыва о Бальзаке его учителей до 1807 г. не сохранилось. По словам героя «Лилии долины», учитель, который всегда видел его мрачным, презираемым и одиноким, подтвердил подозрение родных о том, что он ни на что не годен. С другой стороны, в рапорте по начальству, который составил сам Леге в 1810 г., утверждается, что о мальчиках в возрасте между пятью и семью годами, которые только учатся читать, сказать практически нечего²⁹. Все, что нам известно наверняка, – во время пребывания в пансионе Леге Бальзак переболел оспой. Болезнь протекала в легкой форме и, в отличие от случая со шкварками, не оставила шрама в его душе.

В восемь лет Оноре снабдили всем необходимым и отправили в городок Вандом, расположенный в 35 милях к северо-востоку от Тура. На следующие шесть лет его домом предстояло стать старинному Вандомскому коллежу³⁰. За шесть лет он виделся с матерью всего два раза – несмотря на то что в то время в Вандоме было более регулярное почтовое сообщение, чем в наши дни.

Вандомский коллеж считался одной из лучших французских школ, в него поступали «сливки» крупных провинциальных городов, в том числе Тура. Видимо, поэтому г-жа Бальзак его и выбрала. Возможно, не случайно в тот самый день, когда Оноре отправили в Вандом, она внесла плату за полгода за место в Турском кафедральном соборе³¹. Жене человека, которого считали вольнодумцем, необходимо было часто показываться на службах.

Оноре считал, что его отправили в Вандомский коллеж по другой, более неприятной для него причине. Она связана с правилом, изложенным в рекламном проспекте школы: «Родители настоятельно просят не забирать детей домой даже на каникулы». Иными словами, принятый в коллеж ученик телом и душой принадлежал школе до тех пор, пока не завершал образования – или, как случилось с Бальзаком, до тех пор, пока он не переставал функционировать как нормальное человеческое существо. Визиты родителей не поощрялись и разрешались только на Пасху и в дни раздачи наград, один из которых обычно совпадал с Пасхой.

Такова была освященная временем система воспитания, придуманная монахами ораторианского ордена, которые основали школу в 1623 г. В педагогике ораторианцы часто выступали антиподами своих конкурентов – иезуитов. Их система отличалась более гибким отношением к историческим переменам; можно сказать, что они воспринимали все новомодные веяния. Впрочем, неизменная гибкость помогла ораторианцам в свое время пережить революцию. Школьная форма дополнялась круглой шапочкой и синим воротником; геральдические лилии (*fleur-de-lys*) на пуговицах в нужное время весьма кстати заменили словами «Искусства и науки». Через несколько лет в школьный катехизис включили Наполеона. Его называли «человеком, которого призвал Господь в трудное время», дабы он «защитил государство своей мощной дланью». К тому времени, как в коллеж поступил Бальзак, школа была отделена от церкви. Членами ордена ораторианцев оставались всего семь из шестнадцати учителей, да и тех освободили от монастырских обетов. И все же Вандомский коллеж был вопиющим анахронизмом, который гордился своей монастырской атмосферой и освященными временем традициями. Ученики других школ при Бонапарте маршировали под барабанный бой; в Вандомском коллеже, словно застывшем в прошлом, распорядок дня отмерялся ударами колокола.

Большая монастырская школа до сих пор располагается в центре города. За ее старинными серыми стенами, отгородившими коллеж от речушки Луар, притока Сарты, скрывается огромная территория, куда входят «постройки, необходимые в подобных учреждениях»: часовня, театр, изолятор, пекарня, парк и фонтаны. 228 учеников делили на четыре группы: маленькие (*Minimes*), младшие (*Petits*), средние (*Moyens*) и старшие (*Grands*). У каждой группы были отдельные дортуары и классные комнаты. Двери всех комнат выходили в четырехугольный двор, откуда можно было попасть в столовую.

Таково было историческое заведение, из которого Бальзак вый дет весной 1813 г., не облеченный яркими крыльями гениальности, но еще более замкнутый, чем раньше, – бледный, худой, ошеломленный беспорядочным чтением, замкнутый в себе, поселившийся в своем тревожном мире без каких-либо внешних признаков взросления.

22 июня 1807 г., по прибытии в коллеж, Оноре занесли в журнал под номером 460. Первая характеристика, данная им современниками, была такая: «Возраст – восемь лет и пять месяцев; перенес оспу без осложнений; по характеру сангвиник; легковозбудим и подвержен беспокойству». «Сангвиником» его называли в том смысле, какой придавался этому слову ранее: веселый, общительный, с румянцем во всю щеку; позже сын директора школы вспоминал, что Оноре был «румяным пухлощеким толстячком»³².

Первая вспышка перевозбуждения случилась с ним в столовой, которой Бальзак посвящает длинный, задумчивый пассаж в «Луи Ламбере» (*Louis Lambert*). Разговоры за едой допускались, поэтому возник своеобразный «гастрономический обмен»: «Если кто-нибудь из среднего класса, посаженный во главе стола, предпочитал порцию красного гороха десерту, потому что нам давали и десерт, тотчас предложение – “десерт за горох” – передавалось из уст в

уста, пока какой-нибудь сладкоежка не принимал предложения и не посылал свою порцию гороха, и она передавалась из рук в руки, пока не доходила до предложившего обмен, и тем же путем отправлялся десерт. Ошибок никогда не бывало. Если возникало несколько предложений подобного рода, то они нумеровались, тогда говорили: «Первый горох за первый десерт»». Шум, поднимаемый двумя сотнями мальчишек, которые менялись блюдами, изумлял посетителей школы. В капиталистических джунглях «Человеческой комедии» столовая в Вандомском коллеже ближе всего к описанию идеального общества.

Другими особенностями Вандомского коллежа, призванными подсластить горечь ссылки, служили участки земли, на которых мальчики сами выращивали овощи, и голуби, которых держали в клетках на стенах. Была также лавочка, где торговали стеклянными шариками, перочинными ножами, карандашами, молитвенниками (их покупали редко) и, если главный ингредиент приносил сам покупатель, голубиным паштетом³³.

Святые отцы (как их продолжали называть) стремились избавить учеников от «тех небольших превратностей судьбы, которые очень часто становятся поводом для сравнения у мальчиков»³⁴.

Повторяю, Бальзак на себе испытал власть денег в послереволюционной Франции. Он получал всего 3 франка карманных денег в месяц. Очевидную скупость его отца можно объяснить другой большой движущей силой, которая действует в мире Бальзака, – простодушием. Бернар Франсуа открыл, что бедность и спартанские привычки – вернейшая дорога к счастью, а поскольку обычно для того, чтобы прийти к подобному выводу, требуется вся жизнь, его сын наслаждался бесценным преимуществом быть бедным еще во время обучения в школе. Возможно, Оноре усомнился в отцовской философии, когда заметил, что у его друзей всегда хватает денег на мелкие радости жизни.

С точки зрения спартанских привычек Вандомский коллеж не оставлял желать ничего лучшего. На картине, где изображен урок математики того времени, изображается учитель, который преподает в шляпе, с поднятым воротником, несмотря на то что в классной комнате есть большая печь³⁵. Бальзак часто вспоминает о теплом и мягком климате своей родины, всего в 35 милях от коллежа, где на солнце нежатся виноградники Вувре. В монастырских стенах Вандомского коллежа он больше всего страдал от холода: «Каждую зиму он отмораживал руки и ноги. Довольно часто это спасало его от наказания розгами, которое тогда еще широко практиковали, и его просто оставляли после уроков»³⁶. Кожаные перчатки презирались; их носили только маменькины сынки. Все, кто смел щеголять в кожаных перчатках, скоро обнаруживали, что их перчатки безнадежно испорчены – их бросали на горячую печку, где они усыхали.

В дортуарах было не лучше – они кишели клопами, в них воняло, полы были покрыты таинственным «общим гумусом», оставленным «тысячей учеников». Вносили свой вклад и другие, более простые источники «гниения, создающего определенную атмосферу»: ведра с холодной водой, которой умывались по утрам, еда, украденная из столовой, голуби, плесневевшие в шкафчиках³⁷. Каждый дортуар был поделен на отсеки в 6 квадратных футов, с решетками поверху и решетчатыми дверями. Каждую ночь двери с лязгом запирали. В 1810 г. Жозеф де Местр по ошибке называет такой старинный тип дортуара данью прошлому; он сожалеет о его утрате, ибо «порок так заразителен». В школах-интернатах мысли, слова и книги, особенно порочные, распространяются, как заразная болезнь³⁸.

Сначала Оноре редко бывал в таком положении, когда можно было бы говорить о «заразе». Почти все время он проводил в «тюрьме». Это означало одно из двух. Правонарушителя либо запирали в своем отсеке в дортуаре (на школьном сленге, сохранившем смутные воспоминания о средневековой пытке, такие отсеки назывались «деревянными штанами»); либо, если позволяла погода, его сажали в «альков», маленький чулан под лестницей в группе младших, где гуляли сквозняки.

Бальзака можно было бы заподозрить в преувеличении важности заточения в юные годы. В конце концов, тюремные камеры – питомник многих романтиков. С самого начала XIX в. поэтов так и тянет философствовать в чуланах и ватерклозетах. Однако распорядок жизни в Вандомском коллеже почти не допускал отклонений. Мрачные воспоминания, которым Бальзак предается в «Лилии долины» и «Луи Ламбере», с радостью подтвердил много лет спустя школьный сторож: «Помню ли я мсье Бальзака? Еще бы мне его не помнить! Я имел честь сопровождать его в тюрьму больше ста раз!»³⁹

Следует заметить, что провинившихся сажали в «тюрьму» надолго, а не на полчаса. Сын директора школы, сам бывший учитель, вспоминает, что в первые два года в Вандоме Бальзак проводил в алькове не менее четырех дней в неделю – «кроме тех дней, когда подмораживало». Причиной такого небывалого обращения служило «неистребимое отвращение мальчика ко всему, что ему предписывали делать». «От него ничего невозможно было добиться ни в классе, ни на уроках гимнастики». Издатели Бальзака наверняка посочувствовали бы его учителям. Конечно, Бальзак преувеличивает, и все же в его признании есть доля истины: «Я стал самым бездеятельным, самым ленивым, самым задумчивым учеником младшего отделения, и, следовательно, меня наказывали чаще других»⁴⁰.

Чем Оноре заполнял долгое сидение в карцере? Несмотря на защиту отдельных секций дортуаров, Жозеф де Местр предупреждал, что слишком частое безнадзорное сидение заперти тоже опасно, ибо «худшее общество для молодого человека – это он сам». Может быть, Бальзак постепенно начинал усваивать то пагубное «интернатское образование», на которое он так часто ссылается, после которого молодая особа, даже если и выходит из школы «девственной, она отнюдь не целомудренна»⁴¹. Оноре представлял для себя лучшую компанию, чем большинство его одноклассников. Сидя в «деревянных штанах» и напряженно вслушиваясь, не заскрипит ли специально брошенная на пол ореховая скорлупа под ботинками приближающегося надзирателя, он активно размышлял, постепенно приучаясь воссоздавать перед своим мысленным взором те сцены, о которых он читал в книгах, и предаваясь собственным мыслям. Другие мальчики обзаводились вымышленными друзьями, у Бальзака была его память: «Когда хочу, я опускаю на глаза вуаль... Внезапно я погружаюсь в самого себя и нахожу темную комнату, где явления природы раскрываются в более чистой форме, чем та, в которой они появились сначала перед моими внешними чувствами»⁴².

Несмотря на пыль и обветшалость, в Вандомском коллеже Бальзак впервые получил возможность взглянуть на общество как на процесс неестественного отбора. Один из его менее одаренных одноклассников вынес свой приговор системе ораторианцев, сойдя с ума. Та же участь постигла друга рассказчика в «Луи Ламбере». Наивысшим достижением Бальзака в школе (так как его успеваемость отличалась крайне низким уровнем) можно считать то, что он сохранил здравый рассудок и ему удалось не превратиться в овощ – хотя вскоре в том возникли сомнения.

К счастью, его запас духовной пищи был необычайно велик. Еще до Вандома он читал часами – приключения, вроде «Робинзона Крузо» или Илиады, волнующие реляции о победах Наполеона и, конечно, Библию, которую его отец снабдил своими примечаниями, готовясь впоследствии написать историю евреев. Чтение в Вандоме заняло для него место моциона, который, впрочем, состоял лишь в том, что время от времени ученики совершали марш-бросок к загородному дому директора школы, где устраивали пикник. Даже на переменах Бальзаку давали дополнительные уроки математики. На этом настоял его отец, который надеялся, что Оноре выдержит экзамен в престижную Политехническую школу.

Частные уроки проводились в школьной библиотеке, служившей хранилищем для книг, конфискованных в монастырях в годы революции. Наставник Бальзака, отец Лефевр, о котором начальство говорило, что у него «больше воображения, чем проницательности, и тяга к

чудесам и философским учениям», занимался собственными таинственными исследованиями, а его подопечному оставалось рыться на полках и выбирать книги по своему вкусу. Особенно нравились узнику Вандома жизнеописания раннехристианских мучеников.

Нет ничего удивительного в том, что «альков» фигурирует в самом раннем дошедшем до нас письме Бальзака. Вот что он пишет во второй год своего пребывания в коллеже:

«Вандом, 1 мая (1809).

Милая мама.

По-моему, папа очень огорчился, когда узнал, что я был в алькове. Пожалуйста, утешь его вестью, что меня представили к награде. Я не забываю чистить зубы носовым платком. Я завел тетрадь, в которую аккуратно переписываю упражнения, и получил несколько хороших отметок, чем надеюсь вас порадовать. От души обнимаю вас, а также всех родных и моих господ знакомых. Вот фамилии учеников из Тура, которые получили награды:

Буалеком

(Он – единственный, кого я помню).

Бальзак Оноре, твой послушный и любящий сын».

Бальзак написал домой на следующий день после раздачи наград. Шло самое суровое время года. Как обычно, его родители не приехали, прислав взамен советы усердно трудиться и чистить зубы. Они не видели, как Оноре вручили небольшой томик вольтеровской «Истории Карла XII, короля Швеции», подписанный по-латыни «Honoratus Balzac» в знак признания его достижений в устной латыни.

Это письмо – единственное сохранившееся свидетельство школьных лет Бальзака, однако оно содержит первый проблеск его огромной наблюдательности. Неуклюжее выражение «господа знакомые», которое следует сразу же за «родными», кажется подозрительным эвфемизмом или мстостью за пренебрежение. Некоторые эти «господа» в самом деле входили в число домочадцев Бальзака. Малыш Анри, родившийся через полгода после поступления Оноре в Вандомский коллеж и почти через шесть лет после предыдущего ребенка, служил живым доказательством тому, что г-жа Бальзак еще не распрощалась с молодостью и удовольствиями. Хуже того, в конце концов выяснилось, что у нее все же есть материнский инстинкт, который, впрочем, оказался избирательным: незаконнорожденный Анри стал зеницей ее ока. В Туре поговаривали о ее связи с местным землевладельцем по имени Жан де Маргонн, который позже косвенно подтвердил слухи, оставив Анри в своем завещании 200 тысяч франков⁴³. Сам Бальзак в 1848 г. подтвердил, что отцом Анри был Жан де Маргонн; как мы убедимся позже, у него имелись и другие доказательства того, что его матушка нарушала свой «долг».

Любовнику г-жи Бальзак, а также малышу Анри суждено было умереть ужасной смертью – одному в «Большой Бретеш» (La Grande Bretèche), второму – в рассказе с оптимистичным названием «Перст божий» (Le Doigt de Dieu)⁴⁴. Обе повести были написаны в начале 1830-х гг., но их замысел наверняка возник и сформировался в Вандомском коллеже.

Для Оноре материнская забота выражалась в форме литературной критики. Его нежные, дышащие любовью письма высмеивали за напыщенность, за жалость к себе. Возможно, единственное сохранившееся письмо дошло до нас только благодаря его относительной деловитости и сдержанности. Примечателен и почерк: мелкие, налезавшие друг на друга буквы, строчки, которые бегут снизу вверх, огромные прописные буквы и множество завитушек. Первое письмо Бальзака – графологический образец огромного ума, выросшего в одиночном заключении.

По некоторым признакам, примерно с десяти лет мальчик, которого в младших классах наказывали чаще остальных, начал приобретать черты респектабельной посредственно-

сти. В 1812 г. он получил еще одну награду по устной латыни. В отчетах из школы, датированных 1809—1811 гг. (только они и дошли до наших дней), его поведение оценивается как «хорошее», «нрав» называется «веселым» или «очень веселым», хотя «характер» колеблется от «вялого» до «мягкого» и, наконец, «ребяческого». Ценность таких оценок в каком-то смысле преуменьшается тем, что отчеты о других учениках почти такие же: учителя явно считали, что все возможные особенности детей можно адекватно выразить с помощью полудюжины прилагательных.

Более верным признаком прогресса служит тот факт, что у Бальзака появилось несколько друзей: Луи-Ламбер Тинан, возможно увековечивший свое имя в романе, чье действие происходит в Вандоме; Баршу де Пеноэн, который, как Бальзак, с презрением отвергал общепризнанные увлечения и рано начал интересоваться метафизикой (позднее он стал признанным специалистом по немецкой философии); Буалеком, упомянутый в ранее цитируемом письме Бальзака, который впоследствии стал французским послом в Вашингтоне; Арман Дюфор, будущий министр и коллега де Токвиля. Это многое говорит о Вандомском коллеже и о той среде (*milieux*), из которой подбирались его ученики. Многие друзья и знакомые Бальзака, среди которых были уроженцы колоний – Антильских островов и Нового Орлеана – стали выдающимися политиками, адвокатами или журналистами. Бальзак познакомился со своими собратями-ссылными за неделю до раздачи призов, когда другие мальчики хвастливо обжигались в городе с родителями.

С точки зрения родителей, куда важнее было то, что Оноре наконец начал уделять некоторое внимание урокам. Как то часто бывает, самое большое педагогическое влияние оказалось неумышленным – отец Лефевр, поглощенный своими чудесами, пока Оноре наслаждался библиотекой. Впрочем, в коллеже были и два замечательных педагога, чье появление стало для Бальзака долгожданным освобождением из тюрьмы. Они же снабдили его темой для того, что стало его на первый взгляд ненужной привязанностью.

Лазара Франсуа Марешаля ученики обожали и считали едва ли не родным отцом⁴⁵. Он стал первым литературным критиком Бальзака за пределами семьи. Узнав, что Оноре живет по собственному распорядку, заполняет письменный стол кипами претенциозной прозы, но не успевает приготовить уроки, он рассказал ему поучительную историю о птенце, который выпал из гнезда, потому что пытался взлететь до того, как у него отросли крылья.

Марешаль поучал лицемерно – у него имелся свой опыт. Он сам давно сочинял стихи, испытывал не вполне приличное для школьного учителя пристрастие к эротической поэзии и взволнованным панегирикам любому режиму, которому случалось находиться у власти. Лилии, фригийские колпаки, имперские орлы удивительно к месту то влетают в его хвалебные стихи, то вылетают из них. Когда ночью 14 августа 1808 г. Наполеон проезжал через Вандом, Марешаль поспешил сочинить две латинские надписи в честь императора, которые повесили в городских воротах. Его ученикам выпал случай извлечь пользу из увлечения учителя; они наверняка изумлялись непривычным грамматическим формам. Фразы, которые мальчикам предлагалось перевести на французский, выдают стремление стимулировать юношеский ум чем-то более вдохновляющим, чем «Записки о галльской войне»: «Я видел воробушка Лесбии», «Девушка пряталась за кустами», «Венера с ногами обнаженными стянула пояс на своей пламенеющей мантии». Одна особенно яркая фраза наверняка затронула бы Оноре за живое, знай он тогда, что они с братом от разных отцов: «О боги, даруйте этой женщине способность к деторождению, но не ко греху».

По воспоминаниям современника Бальзака, полеты фантазии Марешаля слегка ограничивал его зять, Жан-Филибер Дессен⁴⁶. К Дессену относились с благоговейным ужасом, потому что внешне он напоминал типичного ученого-гения. В школьной лаборатории ему удалось произвести молнию. Кроме того, было известно, что он проводил важные опыты по магнетизму и фосфоресценции, которые признала даже Академия наук. На самом деле Дессен был самобыт-

ным для своего времени мыслителем и вполне мог пробудить в Бальзаке склонность к рациональным объяснениям так называемых «спиритических» явлений. Мысль для Дессена, как впоследствии и для Бальзака, являлась вещественной силой, которая двигалась в жидкой или намагниченной среде. «Разумеется, в наших глазах, – писал современник Бальзака, – он был ведущим европейским ученым». Дессен обладал обаянием непостижимости; говоря о своем предмете, он употреблял незнакомые новые слова. Например, в 1799 г., при раздаче наград, он занимал собравшихся учеников и их родителей пространными рассуждениями на тему о том, как в дни былые красноречивые писатели, не испорченные цивилизацией, брались за перо, только «когда ощущали определенный электрический тремор в предсердечной области, который поднимал все внутренние органы до высоты темы». Для всех, кто надеялся понять, как создавать шедевры, необычный взгляд на вдохновение казался очень волнующим: вдруг можно не ждать искры божией, а создать ее искусственно?

Хотя Дессен держался немного отстраненно, он создавал бодрящее впечатление того, что внешний (а может быть, и внутренний) мир не так статичен, как считали вандомские монахи. Сам Бальзак, наверное, испытывал некий тремор (*frisson*) в предсердечной области, когда набрасывал «Трактат о силе воли». До последнего времени «Трактат...» считался произведением несуществующим, придуманным специально для «Луи Ламбера», но он наверняка существовал ранее в какой-то форме: он упоминается одноклассником Бальзака в статье, вышедшей за несколько месяцев до публикации «Луи Ламбера»⁴⁷.

В любом случае жизнь «Трактата...» была недолгой: ее нашел учитель, который продал бумагу, на которой он был написан, вандомскому бакалейщику... Таким образом, первое произведение Бальзака пошло на кульки для конфет.

В письменном столе Бальзака лежал не только «Трактат о силе воли». Другим «отважным новым миром» стала для него лингвистика, открывавшая доступ к знаниям, о которых и не мечтали составители школьного расписания. Пока остальные мальчики корпели над упражнениями, Бальзак жадно читал словари, открывал для себя этимологию, развивал в себе тот вкус к всеведению, который проявляется во всех частях «Человеческой комедии». Правда, подавляющее большинство научных и мистических сведений в «Луи Ламбере» отражает более поздний период жизни Бальзака. Пройдет какое-то время, прежде чем его ранние опыты принесут плоды.

Конечно, у Оноре даже в десятилетнем возрасте имелись и далекоидущие планы. Некоторые мальчики из старшей группы входили в так называемую «Вандомскую академию» – своего рода молодежная ветвь Французской академии, научного учреждения, целью которого является изучение французского языка и литературы. Заседания Вандомской академии проходили дважды в год в присутствии всей школы. На них цитировались и обсуждались последние сочинения участников. Бальзаку так и не удалось попасть ни в молодежную, ни в «настоящую» академию. Тем не менее его одноклассники восхищались сочиненной им поэмой – произведением, принадлежавшим к самому престижному литературному жанру. Сочинять поэмы не отваживался даже сам Марешаль. Поэма была посвящена завоеванию испанцами империи инков. Тема превосходная, если только понимать, что она относилась не к Наполеону, который как раз в то время подавлял Пиренейский полуостров, а к эксцессам недавней монархии. Сохранился и цитируется лишь один возвышенный отрывок: «О инка! властелин и злополучный и несчастный!» (*O Inca! Ô roi infortuné et malheureux!*)⁴⁸

Едва ли подобного отрывка достаточно для того, чтобы впасть в отчаяние, но старшие мальчики в насмешку прозвали Бальзака «Поэтом». Гений, по словам Бодлера, «обладает привилегией быть великими во всем»⁴⁹. Бальзаку удалось выразить свое величие в александрийском стихе – двенадцатисложной строке, где он умудрился сделать почти все элементарные

ошибки, которые описаны в пособиях по стихосложению. Цезура неправильно падает на середину слова *in l fortuné*, что является одним из самых тяжких грехов в просодии. Неблагозвучие из-за слияния гласных наблюдается в четырех местах (возможно, это единственный пример множественного хиатуса во французской литературе). Кроме того, стих на один слог длиннее, чем нужно. Сейчас, оглядываясь назад, можно утверждать, что Бальзак взламывал границы традиционных жанров. В то время его стих лишь подтвердил точку зрения директора школы.

По иронии судьбы «Поэт» вдохновлялся прославленным историческим романом «Инки» Мармонтеля (1777). Но произведение Мармонтеля относилось к низшему роду литературы: «Инки» – «всего лишь» роман.

Пылкая изобретательность Оноре распространялась с большим успехом и на предметный мир. Запертый в дортуаре или в чулане под лестницей, он открывал другие способы для упражнения уже присущей ему способности к символическим действиям. Он создал часы⁵⁰ и, как вспоминал позднее сын директора школы, «считался, по крайней мере в Вандомском коллеже, изобретателем пера с тремя кончиками» – он совершил буквально революцию в ненавистном всеми школьниками написании «строчек». Его изобретение было хорошим началом для одного из самых плодovitых писателей века: один прибор для измерения быстро текущего времени, а второй – для того, чтобы победить время.

Однако, по мнению учителей, спустя шесть лет после поступления в Вандомский коллеж Бальзак почти ни в чем не преуспел, кроме зачатков латыни, географии, истории, физики, химии, фехтования и музыки. В математике его успехи были весьма скудными. Не приходится удивляться тому, что потом все его финансовые аферы были самыми неудачными из всех его произведений. Ораторианская система образования не оказала должного влияния на ученика под номером 460. Более того, его развитие, как казалось, пошло вспять...

Из Вандомского коллежа Бальзак уехал при загадочных обстоятельствах. Его сестра Лора приводит официальное объяснение семьи:

«Ему было четырнадцать лет, когда директор школы, г-н Марешаль, написал маме (это было между Пасхой и днем раздачи наград). Он попросил ее как можно скорее приехать и забрать сына. Он впал в своего рода кому⁵¹, которая особенно беспокоила его учителей, так как они не находили для нее никакой причины. По их мнению, мой брат был ленивым учеником, поэтому едва ли у него началось воспаление мозга из-за умственного переутомления. Оноре очень вытянулся и похудел. Он напоминал лунатика, который спит с открытыми глазами. Он не понимал обращенных к нему вопросов и не знал, что ответить, если спросить его вдруг, без предупреждения: “О чем ты думаешь? Ты меня слышишь?”

Как он впоследствии понял, его удивительное состояние стало результатом своего рода умственной перегрузки (если вспомнить его слова). Без ведома учителей он успел прочесть почти все книги из обширной школьной библиотеки. Серьезные книги развили его ум в ущерб телу»⁵².

Как замечает Лора, такой диагноз ее брат поставил себе сам. «Умственная перегрузка» была профессиональной болезнью, к которой склонны расцветающие гении – по крайней мере, об этом свидетельствуют романы Бальзака. Несколько его героев в определенные моменты жизни набивают себя знаниями до отказа и становятся жертвами своего безмерного аппетита. Романтических героев того времени редко можно было застать в таком удручающем состоянии; они не склонны замыкаться в себе или думать о чем-то превыше своих возможностей. Однако в «Человеческой комедии» время от времени мелькают молчаливые философы, впавшие в оцепенение, обозревающие фантастический мир идей внутри себя, а внешне производящие полное впечатление идиотов.

Подобно водопадам, которые лучше видны издали, говорит Бальзак, их разум вблизи кажется неподвижным⁵³.

Изучая живого пациента, достаточно трудно найти причинноследственные связи. Воображаемое вскрытие еще менее надежно, и опрометчиво было бы связывать тогдашнюю странную летаргию с позднейшими заболеваниями Бальзака. Можно с таким же успехом согласиться с таким же спорным диагнозом, который обычно ставили в таких случаях. Директор школы упомянул о молчаливости (*taciturnité*) и *grande insouciance* своего ученика. Слово *insouciance* в данном случае означает и «апатию», и «равнодушие». В сочетании с ненормальной бледностью (для прежде румяного мальчика), потерей веса, общей вялостью и частым сидением в карцере все указывало на одно. В популярном «Трактате о тайных привычках и удовольствиях» (1760), который использовался в школах-интернатах еще в начале XX в., говорится, что приведенные выше признаки – классические признаки «злоупотребления своими силами». Сходным образом в «Сельском враче» Бальзака женственного и начитанного Адриена забирают из школы по той же причине (врача убеждает быстрый осмотр его колена...). Ну а Бальзака, насколько нам известно, исцелили свежий воздух, физические упражнения и общество⁵⁴.

Это, разумеется, самая внятная причина для быстрого отъезда Бальзака. При тогдашнем широком распространении карательного школьного образования никто не встревожился, узнав, что Бальзак провел опасно много времени в одиночном заключении. Он, конечно, правильно думал, что его отец «огорчится», узнав, что его сын томится в «алькове». Когда в 1807 г. Оноре отправился в Вандомский коллеж, его отец как раз дописывал свой первый и самый примечательный памфлет: трактат «о средствах профилактики воровства и убийств и о возвращении совершившим их людям полезной роли в обществе».

Подобно многим людям, которых считали чудаками, отец Бальзака обладал необычайной дальновидностью. В своем труде он выдвинул на первый взгляд безрассудную мысль о том, что тюрьмы не исправляют преступников и что следует идти по пути реабилитации. В годы террора нескольких друзей Бернара Франсуа посадили за решетку. Когда он увидел сына после шести лет обучения и узнал о плачевных результатах, он, должно быть, сразу узнал симптомы. «Состояние сына очень встревожило отца», – пишет Лора. А бабушка Саламбье, наверное, воскликнула: «Так вот в каком виде школа возвращает славных мальчиков, которых мы туда посылаем!» Необходимо было предпринять срочные меры, иначе маленькому Оноре грозили преступная жизнь и ранняя смерть.

Конечно, чувства самого Бальзака были более сложными. В своей тюрьме он бывал счастлив. Он придумал для себя мучительный распорядок дня, которому потом следовал почти всю жизнь: огромные отрезки времени, посвященные ничем не прерываемой деятельности. Словно в память о Вандомском коллеже, Бальзак писал в монашеской рясе. В его «темной комнате» «превратности судьбы» и несправедливость матери переставали существовать. Там его разум отыскивал тайные принципы, которые, по мнению Дессена, управляли всей Вселенной. Во мраке «алькова» все стороны жизни имели равное право на существование; все было взаимосвязано.

Разум стал для него не просто отдельной игровой комнатой, но и арсеналом. В дортуарах Вандома зародился европейский реализм. А в созданной Бальзаком вселенной в Вандомском коллеже учился и Вотрен, главный злодей, наделенный сверхъестественными силами и страстным желанием управлять обществом, которое он понимает и которое поэтому презирает⁵⁵.

С образом Вотрена у Бальзака связана стихия саморазрушения. Мать убедила его в том, что он состоит из одних недостатков и ему никогда не удастся ей угодить. Позже подходящим выходом из положения показалось бы самоубийство. В Вандомском коллеже такое отношение вылилось в самовнушенное безумие. В «Баламутке» (*La Rabouilleuse*) (1840—1842) подростковая апатия одного из малообещающих вялых гениев, художника Жозефа Бридо, объясняется

не только его крайней сосредоточенностью, но также и семейным положением: мать изливает всю свою любовь на его никудышного брата. Заброшенный Жозеф пренебрежительно относится к себе; он неразговорчив, замкнут, его огромная голова, которая для рассказчика является доказательством гения, кажется родителям признаком водянки мозга.

Униженный ученик, уверенный в своем сиротстве при живой матери, без труда затмевается раблезианским лицом знаменитого романиста, от хохота которого дребезжат стекла. Он развлекает друзей бесконечными забавными историями. Его сцена – весь Париж. Он неотразимо счастлив и умеет по-детски непосредственно забываться, сосредотачиваться и отвлекаться. Но и первый Бальзак – тоже Бальзак, хрупкий, незрелый, до боли верящий в то, что гений – единственная альтернатива смерти и что «никакое порядочное образование не полно без страданий»⁵⁶.

По бытовавшему тогда милому обычаю, Оноре поправлял здоровье в лоне любящей семьи. Родные якобы наняли ему репетиторов, а затем, через год и два месяца после возвращения из Вандома, он поступил в местный Турский коллеж. На самом деле ему дали два месяца на то, чтобы снова стать нормальным, а затем посадили в карету и отправили в Париж.

Паршивая овца вернулась в дом, где хватало более насущных проблем, чем «умственная перегрузка». Покровитель Бернара Франсуа, генерал Померель, за несколько лет до того уехал в Лилль, оставив старого друга без масонского щита, которым он успешно отражал нападения двух архиепископов подряд, причем оба архиепископа отличались крайней назойливостью. Возможно, им надоело обращение «гражданин архиепископ». Одного из них даже включили, благодаря Померелю, в биографический словарь «атеистов». С благословения церкви, новый префект стал вмешиваться в дела Бернара Франсуа. Он несправедливо намекал на растраты, допущенные при управлении больницей, и спрашивал, почему турецкие Бальзаки так богаты, хотя их родственники-крестьяне, живущие в Альби, по сути бедняки. В ноябре 1814 г. Бернар Франсуа попросил о переводе в Париж.

Во враждебном отношении к Бернару Франсуа со стороны властей отчасти повинна его жена. Провинциальную жизнь во времена социальных потрясений можно уподобить военной кампании: «Если женщина хорошо одевается, она производит впечатление кокетки и даже легкомысленной, – поучает г-жа Бальзак свою дочь Лору, когда та выходит замуж. – Скоро пойдут слухи, что ее муж уж слишком успешен в делах... Если бы моя матушка в свое время предупредила меня об этом, жительницы Тура не относились бы ко мне так плохо. В силу возраста твоему батюшке хватило такта не перечить мне. Нам по карману были самые элегантные наряды»⁵⁷.

Г-жа Бальзак измеряла успех в обществе по зависти, которую она возбуждала в других женщинах; очевидно, она служила мишенью для злобных сплетен. Она не утратила привлекательности даже в тридцать пять лет – в возрасте, который тогда считался преклонным; у нее был пожилой муж, который во имя семейного согласия сквозь пальцы смотрел на ее интрижки. Кстати, в романах Бальзака часто встречаются такие просвещенные мужья. Все стало только хуже после того, как Бальзаки все чаще стали добавлять к своей фамилии частицу «де». Многие полагали, хотя в случае с Бальзаками предположение остается недоказанным, что частица намекает на их родство со старинным и благородным родом Бальзак д'Антраг, давно пресекшимся.

Вот так Оноре познакомился с восхитительно мелким мирком провинциальных интриг. По мнению сестры Лоры, он учился выживать, наблюдая за непредсказуемыми сменами настроения у матери. Постепенно он стал настоящим мастером наблюдательности. С Лорой, чьим обществом он безмерно наслаждался, он практиковал свой навык на представителях турецкого общества, которые приезжали к ним в гости и которые появляются в первой части «Утра-

ченных иллюзий» (*Illusions Perdues*)⁵⁸, хотя там действие происходит не в Туре, а в Ангулеме: будущие парижане изо всех сил подражают парижским модам; они люди достойные, но случается, впадают в бешенство, когда проигрывают в карты. Матери подыскивают подходящих мужей для своих некрасивых дочерей; отцы заучивают наизусть отрывки из Цицерона или описания новейшей сельскохозяйственной техники, чтобы потом блеснуть в разговоре... Все персонажи более или менее осознанно подчиняются сложному своду общественных правил. Вскоре Бальзак узнает, что немцы придумали название для такой забавной деятельности. Он одним из первых из французских писателей употребил это слово – «антропология» – в современном смысле⁵⁹.

В течение дня Оноре вынужден был развлекать младшего брата; впрочем, ему это очень нравилось. Лора вспоминала: если г-жа де Бальзак замечала, что Оноре мечтательно любит красивым закатом и снова впадает в задумчивость, она посылала его помочь маленькому Анри запустить воздушного змея. Но Оноре всегда сопровождало грызущее предчувствие несчастья. Имена для него были наполнены мистическим смыслом. От его внимания не ускользнуло, что Анри (*Henri*), в чьем имени те же согласные, что и у него, Оноре (*Honoré*), а на конце «англизованная» -у вместо обычного -i, уготована роль нового, так сказать, улучшенного Оноре. Их мать почти не скрывала своих пристрастий, даже в завещании, которое она составила в 1832 г., во время эпидемии холеры: она оставляла «дорогому сыну Анри» почти все свои книги (судя по школьным отметкам Анри, она принимала желаемое за действительное), а также большой кофейник. В то же время книги по «метафизике» и маленький кофейник предназначались величайшему любителю кофе в литературе, которого она сухо именовала «Оноре Бальзак, мой старший сын»⁶⁰.

В раннем рассказе «Перст божий» (*Le Doigt de Dieu*) (1831) «дитя любви» сталкивается с крутого склона «дитя супружеского долга». «Дитя любви» с криками тонет в мутной реке. Автор, от чьего имени ведется рассказ, наблюдает за происходящим из-за дерева. Эта необычайная, почти сказочная сцена наводит на мысли об участии бессознательного в создании персонажей и намекает на зловещие аналогии между писательством и культом вуду. Впрочем, в дальнейшем становится понятно, что булавами колдун собирался утыкать куклу, которая символизировала мать. Бальзак никогда не таил злобы по отношению к Анри, который, словно по велению Божьему, оказался вместилищем недостатков, в которых обвиняли его старшего брата: слабовольный, ленивый, незрелый по характеру, он в конце концов уехал на остров Маврикий, где служил таможенным инспектором, но никаких успехов не добился. Отношение Бальзака к Анри точнее выражено посвящением «Анри де Бальзаку» повести «Загородный бал» (*Le Bal de Sceaux*) – своего рода предостережения, в котором говорится о том, что избалованные младшие дети не оправдывают ожиданий любящих родителей и никогда в конце концов не получают того, чего им хочется.

В конце весны или в начале лета 1813 г. Оноре уехал в столицу. Должно быть, первое знакомство с городом, которому предстояло стать одним из главных героев «Человеческой комедии», было для него мучительным. Одновременно первая поездка была типичной для Бальзака, который любил знакомиться с чем-то вначале умозрительно. Его записали в частную школу Ганзера и Бёзлена, своего рода пансион для учеников расположенного неподалеку лицея Карла Великого в сердце парижского квартала Марэ⁶¹.

Квартал Марэ, сыгравший такую важную роль в юности Бальзака, оказался не совсем тем Парижем, который молодой человек мечтал завоевать. Это была обшарпанная разновидность провинции, где между булыжниками мостовой росла трава⁶². По улицам очень редко грохотали экипажи; в основном в Марэ царила тишина. Квартал постепенно приходил в упадок с конца XVII в.; до того там селились разбогатевшие купцы, которые строили себе рос-

кошные особняки. Тогда Маре считался местом аристократическим. Когда в Маре поселился Бальзак, квартал еще отличался некоторой буржуазной респектабельностью, но его население стало весьма пестрым. В Маре во времена Бальзака жили чиновники, лавочники, пенсионеры, последние аристократы, которые все не решались переехать. Как везде, в Маре много было вездесущих, всевидящих консьержей и других любопытных особей, например полицейских шпионов и гадалок, которых привлекали тишина на улицах и дешевые рестораны.

Школа соответствовала своему окружению. Она заполнила собой когда-то величественный особняк Сале (теперь в нем музей Пикассо), ограбленный в годы революции – до того его владельцем был архиепископ Парижский. С годами особняк постепенно разрушался, так как в нем два десятилетия жили ученики⁶³. Школа была одной из многих живописных останков более спокойного века, сохранившихся в Маре до наших дней; эти останки полуразрушены, полны очарования и, что удивительно, часто обитаемы.

Когда вереница школьников, идущих парами, проходила по сырым улицам перед тем, как выйти, «как из погреба»⁶⁴, на улицу Сен-Антуан напротив лица Карла Великого, Бальзак разглядывал трещины на стенах и двери, разгадывал «иероглифы» архитектурных чудачеств, наделяя все, что он видел, «огромным смыслом, какой приобретают предметы в романах Фенимора Купера» – «ствол дерева, бобровая плоть, камень, неподвижное каноэ, ветка, которая клонится к воде»⁶⁵.

О его восьмимесячном пребывании в Париже известно мало, но, вполне возможно, отрывочность воспоминаний соотносится с опытом самого Бальзака: он имел возможность хотя бы мельком видеть величие Наполеона, когда войска проходили торжественным маршем по Тюильри⁶⁶; он наносил визиты родственнице, жившей в таком же, как Маре, старевшем квартале на острове Святого Людовика. Вот как он ее описывает: «Древняя, как собор, раскрашенная, как миниатюра, роскошно разодетая, она жила в своем отеле, как будто Людовик XV никогда не умирал»⁶⁷. Другие кварталы города закрепляются в его личной мифологии: знаменитые театры и рестораны, которые он поклялся посещать, когда станет старше, и гибельное место, о котором часто рассказывали мальчишки постарше (в рассказах они играли сомнительные роли) – Пале-Рояль, где в символической близости жили проститутки и издатели.

Бальзак на время был спасен от «гибели» благодаря огорчительной интенсивности подготовки в школе Ганзера и Бёзлена. Надзиратели проводили пансионеров в лицей и обратно и следили за тем, чтобы все делали уроки. Однако Бальзак украдкой совершает вылазки и бродит по зданию пансиона, в котором его тоже ждут открытия: «Помните долгие разговоры, разжигаемые дьяволом, – спрашивает он читателей в своей «Физиологии брака» (*Physiologie de Mariage*), – тайные познания о природе вещей, какими обмениваются мальчишки? Ни Лаперуз, ни Кук, ни капитан Парри так пылко не стремились к полюсам, как ученики пансионеров, которые выходят в океан беззаконного наслаждения»⁶⁸.

Те годы были временем заката империи. Иностранные армии наступали с востока. Весной 1814 г. Наполеон уехал на границу с небольшой, необученной армией. Париж вскоре капитулирует, и, к облегчению многих, восстановится монархия. Родители Бальзака решили, что школьникам, воспитанным в преклонении перед императором, угрожала опасность.

Г-жа Бальзак вызвалась спасти Оноре от воображаемых бедствий – но вначале договорилась о свидании в Париже с одним испанским графом, с которым была знакома в то время, когда тот, будучи беженцем, обосновался в Туре. Владелец пышного имени Фердинанд де Эредиа, граф де Прадо Каstellане был утонченным человеком; его двойник появляется в одном из рассказов Бальзака. У него, по словам Бальзака, «больше кистей для маникюра, чем у большинства женщин для их туалета»⁶⁹. Граф произведет на Бальзака ужасное впечатление. О романе г-жи Бальзак можно узнать из писем, посланных ею Эредиа; теперь они хранятся в

собрании Спультберга де Ловенжуля. В одном письме упоминается пантомима, которую любовники вместе посетили в Париже; она шла с 3 февраля до 13 марта 1814 г., что подтверждает версию событий, описанных в «Лилии долины»⁷⁰. На следующий день г-жа Бальзак забрала своего старшего сына из пансиона. Неизвестно, знал ли Бальзак в то время о связи матери с графом, однако неприятные воспоминания и подозрения постоянно всплывают в его творчестве. Восемнадцать лет спустя г-жа Бальзак смогла прочесть ужасный рассказ сына, местом действия которого послужил Вандом: любовника-испанца молодой жены замуровали заживо в кирпичной стене спальни и бросили умирать. Фамилия несчастного, почти не замаскированная, была Фередиа⁷¹.

Долгая обратная дорога в Тур оказалась незабываемо печальной. Переночевали в Орлеане. Оноре, который сильно соскучился по матери, надеялся на ответную нежность. Г-жа Бальзак вначале обвинила сына в притворстве, а затем возмущалась его молчанием. На следующий день они добрались до Вандома. Лошадей меняли в Блуа, где тогда находилась императрица Мария-Луиза.

Наполеоновская империя пришла в смятение, как и жизнь Бальзака. Он побежал на мост через Луару, собираясь прыгнуть в воду. Ему не удалось осуществить свой замысел, так как парашют оказался слишком высок⁷².

То было первое из нескольких известных его покушений на самоубийство; похоже, что он вовсе не рассчитывал на успех. Видимо, поводом к той, первой попытке послужил роман матери или просто осознание того, что его она не любит. Как говорила ему позже сама г-жа Бальзак, она считала, что Оноре пошел в отца «характером и умом»⁷³, а он считал, что она недодала своей любви и ему, и его отцу. В 1846 г., в письме к будущей жене, он расскажет, как сыновнее обожание постепенно сменялось страхом, а страх – равнодушием; но тон письма подразумевает и какой-то промежуточный этап: «Матери у меня никогда не было, а сегодня враг объявил о себе. Я никогда не показывал вам эту рану – она была слишком ужасна, но, чтобы поверить мне, ее необходимо увидеть»⁷⁴.

Значение первого знакомства Бальзака с Парижем, которое проявилось много лет спустя, он начал понимать лишь после возвращения в долину Луары, в места, заменившие ему материнскую любовь. Он покинул мрачный Париж и уехал в Турень ранней весной. Поездка стала для него откровением. Те дни врезались в сознание Бальзака так глубоко, что в течение всей жизни повторяются в его романах. Прогулки по округе – фермы и замки, «похожие на многогранные бриллианты», виды, сменяющие друг друга, – ланды, склоны, поросшие виноградниками, Шер и Эндр, обсаженные тополями «под теплым, ленивым небом»⁷⁵ – почти во всех блестящих турецких пейзажах Бальзака соответствуют сексуальному пробуждению: «Природа принарядилась, как женщина, которая собирается на свидание с любовником; моя душа впервые услышала ее голос, мои глаза восхищались ею, такой же изобильной и великолепной, какой я представлял ее в своих школьных мечтах»⁷⁶.

Сама Луара, как ее описывает Бальзак, напоминает его идеал женской красоты – полная, мощная, с широкими изгибами, щедрая, зрелая и, превыше всего, материнская: «У молодой женщины тысяча поводов для волнения; у зрелых женщин нет ни одного. Их любовь похожа на Луару в ее устье: необъятная, она полнится разочарованиями и притоками жизни»⁷⁷.

Особенно красноречиво поведение будущей жены Бальзака. Просматривая его романы и ища в них доказательства его неверности, она вела себя довольно своеобразно: ревновала к его описаниям природы в «Крестьянах» (Les Paysans). После смерти мужа она вычеркнула оттуда самые эротичные сравнения: мягкая, теплая земля, окутанная утренней дымкой, пахнет

«как женщина, которая встает с постели»; природа, «весной оживленная и соблазнительная, как брюнетка, осенью – сочная и меланхоличная, как блондинка»⁷⁸.

Неясно, была ли у пятнадцатилетнего Оноре возможность излить свою любовь на женщину. Позже в письме к жене Виктора Гюго его сестра заметила, что ее брат созрел рано и принимал участие в любовных похождениях настолько интересных, что она предпочитает хранить о них молчание⁷⁹ – возможно, в его похождениях принимала участие молодая англичанка, упомянутая в «Луи Ламбере»⁸⁰ (в Туре жила большая колония англичан) или таинственная девушка в красном платье, которая не раз возникает на фоне приглушенных по сравнению с ней описаний долины Луары⁸¹. В некотором смысле объект любви почти не имеет значения. В силу своей любвеобильности Бальзак мог в равной степени восхищаться мужчиной, женщиной, а также животным, овощем или минералом.

Любопытно, что одним из любимых маршрутов, какой Бальзак выбирал для прогулок, была дорога в замок Саше, где он впоследствии напишет некоторые из лучших своих романов: Саше принадлежал семье друга, Жана де Маргонна. Бальзак всегда отзывался о нем с нежностью, даже после того, как узнал, что де Маргонн – отец Анри.

Если не считать нового знакомства с родными краями, короткий период, предшествовавший переезду семьи в Париж, был отмечен двумя довольно комическими происшествиями. Оба довольно любопытны, так как благодаря им Бальзак, хоть и не без двусмысленности, начал вписываться в общество Франции эпохи Реставрации.

Первым событием стал бал, который местные сановники давали по случаю проезда через Тур герцога Ангулемского, племянника Людовика XVIII⁸². После отречения Наполеона все принялись заверять друг друга, будто все это время поддерживали монархию. Оноре послали на бал как представителя семьи, так как отец его пойти не мог; он сидел один, любясь великолепными нарядами и вдыхая аристократические ароматы. Точнее, он сидел один до тех пор, пока рядом с ним не села женщина, «как птичка, которая садится в гнездышко»: «Меня сразу поразили ее пухлые белые плечи... плечи, тронутые розовым, которые, казалось, вспыхивали, словно обнажились впервые... Я потянулся, дрожа, стараясь разглядеть вырез, и меня в высшей степени заворожала грудь, скромно прикрытая прозрачным газом, однако голубоватые, идеально округлые полушария отчетливо виднелись в кружевах».

Его реакция (по крайней мере, в романе) была немедленной: он бросился на обнаженную плоть, как романтический любовник худшего сорта. Вполне естественно, изумленная соседка пронзительно вскрикнула и бежала прочь. Только тогда понял он всю смехотворность своего положения, только тогда заметил, что одет «как шут».

Многозначительное происшествие описано в «Лилии долины» и, несомненно, сильно приукрашено. Бальзак имел обыкновение преувеличивать свою неловкость, и в его юношеских автопортретах почти нет следов той жизнерадостности и смешливости, которые запомнила его сестра. Однако сам бал имел место в действительности. Бал – одно из первых доказательств того, что Бальзака влекло в высшее общество; он пытался понять его, вписаться в него – как лично, так и косвенно, воссоздавая его в своем воображении⁸³. Но тот случай, помимо всего прочего, мог бы стать предзнаменованием и того, что высшее общество будет упорно его отторгать. Несмотря на все свои генеалогические притязания, отец Бальзака родился в крестьянской семье, а его репутация чудака и вольнодумца не давала г-же Бальзак выглядеть респектабельно. С другой стороны, еще в пансионе Леге Оноре понял, что не принадлежит к низшим классам. Социальная неопределенность, промежуточное положение, на которое часто указывают его современники, – один из тайных краеугольных камней, на основе которых Бальзак показывал французское общество во всей его полноте. Его, если можно так выразиться, «социальная неуверенность» проявляется иногда самым неожиданным образом.

Еще одним соприкосновением с монархией, оказавшим влияние на Бальзака, стали награды, полученные им в Турском коллеже, который он посещал как приходящий ученик с июля по сентябрь 1814 г. В нелепом несоответствии с самим достижением (кроме того, он был второгодником) его наградили недавно созданным орденом Лилии⁸⁴. Разумеется, в официальном сертификате фамилии Бальзак предшествует частица «де». В тексте благожелательно сообщается, что его величество Людовик XVIII «совершенно убедился в его верности и преданности своему королевскому величеству».

Орден Лилии стал нелепой (и, в случае с Бальзаком, напрасной) попыткой нового режима придать налет тщеславия остаточному наполеоновскому пылу. Вдобавок орден, полученный Оноре, возможно, послужил косвенной наградой Бернару Франсуа за его патриотические памфлеты, составленные в примирительном духе (что было преждевременно) и составленные в таких подходящих к случаю двусмысленных выражениях, что их можно было переиздавать при разных режимах. Самым примечательным среди них был трактат 1809 г., который доказывает, что Бернар Франсуа, не меньший провидец, чем его сын, первым предложил соорудить пирамиду перед Лувром⁸⁵. Неявная аллюзия – впрочем, вполне очевидная в то время – указывала на египетские завоевания Наполеона, что объясняет, почему в более позднем сочинении, изданном в годы Реставрации, Бернар Франсуа предлагает воздвигнуть вместо пирамиды конную статую Генриха IV.

И все же ловкое лавирование Бернара Франсуа свидетельствует и о его шатком положении, и о том, что он понимал: государственным служащим необходимо придерживаться «правильных» взглядов. Сходные противоречия обнаруживаются и у самого Бальзака, когда он пробует определить свое место в обществе. Он очень гордился своей прославленной фамилией и все же в 1835 г. сказал знакомому: «В наши дни знатность – это доход в пятьсот тысяч франков или личная слава»⁸⁶. Продолжая, вслед за отцом, подниматься по социальной лестнице, Бальзак послужил примером необычайной подвижности, которую он сам называет сутью неистового индивидуализма и новой «знати» – выскочек с большими деньгами.

Он пойдет по отцовским стопам еще в одном смысле: предложит ряд нововведений Парижу, который ему предстояло заново открыть для себя в конце 1814 г. Но его самое яркое предложение выдает не столь патриотическое желание сыграть одновременно и на блеске, и на нищете Парижа. Задуманный Бальзаком монумент должен был тянуться не вверх, а вниз. Он предложил вырыть винтовую лестницу в середине Люксембургского сада. Туристы спускались бы по ней в катакомбы, которые тянутся под благородным кварталом Фобур-Сен-Жермен и плебейским кварталом Фобур-Сен-Марсо⁸⁷.

Глава 2

Парижская жизнь (1815—1819)

К тому времени, как Бальзаки зимой 1814 г. переехали в Париж, Оноре решил стать великим и знаменитым. «Он мечтал о том, что когда-нибудь люди заговорят о нем»⁸⁸, и одного этого хватало, чтобы сделать его предметом пересудов. Родственники его высмеивали – в чем-то лицемерно, ведь сами они, судя по всему, считали себя людьми незаурядными. Поэтому Лору и Оноре прозвали «божественным семейством». Старший сын просто продолжал семейную традицию. По словам Лоры, он «не обижался на насмешки и сам смеялся громче других». В мире Бальзака смех – признак творческой натуры. Для родителей и даже для сестры смех служил признаком ребячества. Может быть, два этих мира не так уж несовместимы.

В тот период и следующие несколько лет «призвание» Бальзака было одним беспредметным желанием. Если бы его спросили, в чем источник его величия, он бы, наверное, не сумел ответить. Может быть, философия или поэзия и драма, а потом политическая карьера; но все это лишь средства, которые ведут к цели. В 1834 г. он утверждал, что до двадцати двух лет был «одурманен» жаждой славы: «Я хотел стать таким маяком, который способен привлечь и ангела. Во мне самом ничего привлекательного не было. Я считал себя случаем безнадежным»⁸⁹.

В письмах Бальзака можно часто встретить возвышенные рассуждения о величии, которое рождается из какого-то неисцелимого недостатка. Они отражают его желание черпать поддержку в воспоминаниях о преодоленных трудностях. Даже в самых обычных случаях, которые сопровождают взросление, он склонен видеть нечто необычайное. Наверное, ему хотелось найти что-то положительное в годах, которые в противном случае кажутся растраченными впустую: «После такого детства, какое было у меня, – писал он в 1842 г., – следует либо поверить в славный вечер, либо броситься в реку»⁹⁰. Однако, заявив о своем намерении прославиться в пятнадцать лет, он продемонстрировал свою типично неромантическую хватку. Вдохновленный картезианским подходом к жизни своего отца (когда телегу ставят впереди лошади), он определил для себя первую составляющую дороги к славе – гений. Самые ранние сохранившиеся заметки Бальзака, которые упоминаются в данной главе, содержат полезные наставления по этому вопросу. Пока же его метод больше походил на евангельское: «все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам»⁹¹, и этому методу суждено было оказаться на удивление действенным.

Париж оказался превосходным местом приложения сил. В Париже того времени выходцы из буржуазии получали возможность высоко взлететь. Видимость служила не антиподом действительности, но ее предтечей. Амбициозные молодые герои «Человеческой комедии», приехавшие в Париж, как правило, в начале Реставрации (после Ватерлоо), быстро понимают, что скорее всего достигнут своих целей, если создадут у окружающих впечатление, будто их цели уже достигнуты. Они понимают, что начищенные до блеска кожаные сапоги, модные жилеты, галстуки нужного цвета для определенного времени дня способны открыть любую дверь⁹². Оказавшись в отчаянном положении, человек утонченный прибегает к помощи зубочистки: голодный юноша, который не спеша фланирует по бульвару и ковыряет в зубах, скорее получит приглашение на обед, чем нищий, который просит подаяние. Позже Бальзак узнал, что на языке финансистов подобного рода видимость называется «созданием доверия»⁹³.

Самонадеянность помогает самому Бальзаку пережить отрочество и раннюю юность. Некоторые писатели рассматривают годы своего «ученичества» в свете последующего апофеоза, и потому ученичество видится им романтическим обманом, данью легенде, в которой био-

граф берет на себя роль чревоушителя. Ретроспектива Бальзака показывает подростка таким, каким он себя предвидел – результат его личных подвигов Геракла. Он представляется юношей вызывающим, который предвидит свое величие и смеется над своими врагами.

Даже в ранние годы он держался как фигура выдающаяся. Он уже привык к критике, а может быть, и к зависти. «Оноре, ты, наверное, не понимаешь, что имеешь в виду, когда говоришь такое», – любила говаривать его мать, когда он делал какое-нибудь умное замечание⁹⁴. Кроме того, он обладал таким достойным зависти талантом, который мог пригодиться в политике и определенно станет важным в литературе: способностью твердо верить в невероятное. Лору фантазии брата очень забавляли. Однажды она поручила ему заботиться, по ее словам, за драгоценным семенем кактуса из самой Святой земли. Оноре посадил семечко в горшок, поливал его и наблюдал за его ростом. Из семечка выросла тыква.

Некоторые из историй показывают, что родные пытались переделать Оноре, приручить его. Кстати, стоит отметить: до того как Лора создала биографию брата, она уже написала несколько детских рассказов. Красивые, но скучные картинки дают представление о другом Оноре, который как будто существовал параллельно с первым: он подавал матери серьезные поводы для беспокойства. Хотя г-жа Бальзак все больше увлекалась сочинениями мистиков вроде Сведенборга и Сен-Мартена, она вовсе не считала доверчивость достоинством. Муж ее не будет жить вечно (что бы ни думал по этому поводу он сам), и Оноре предстоит стать главой семьи. И тут одного тщеславия недостаточно. Если юноша с зубочисткой на самом деле верит, что он уже пообедал, его шансы на выживание ничтожны.

Следующие несколько лет Бернар Франсуа руководил снабжением Первой армейской дивизии в Париже. Ему положили приличное жалованье в 7500 франков. Оноре какое-то время мог не заботиться о заработках.

Семья поселилась на улице Тампль, в доме номер 40. Дом их находился на западе Маре, квартала, с которым Бальзак уже познакомился во время своего предыдущего пребывания в Париже. В «Человеческой комедии» он вспоминает, что в их квартале сохранились развалины старинной канализационной системы Парижа: огромная, зияющая пасть в пять футов высотой, со сдвижной решеткой, которая улавливает мусор. Однажды, в 1816 г., после сильной грозы, маленькую девочку, которая несла бриллианты актрисе в театр «Амбигю комик», подхватило течением; «она бы исчезла, если бы на помощь ей не бросился прохожий»⁹⁵. В представлениях Бальзака о Маре археология и мелодрама относятся к одному и тому же ведомству. Улицы, дома и даже совсем непоэтические вещи вроде сточных канав никогда не сливаются в абстракцию «взрослого» видения мира; предметам присущ особый характер; они о многом могут рассказать. И в доме, в котором поселились Бальзаки, жила старушка – «осколок древности». Престарелая мадемуазель де Ружмон, подруга бабушки Саламбье, в молодости была знакома с Бомарше, автором «Фигаро». Бальзак часами беседовал с ней, и она без труда вспоминала интересные истории и подробности, жесты и разговоры, неизвестные биографам Бомарше. Вот откуда впечатление подлинности, часто возникающее у читателей романов Бальзака. Кажется, будто он сам был очевидцем многих сцен, происходивших задолго до его рождения⁹⁶. Дом, как и многие такие же шестиэтажные строения, вмещал в себя словно французское общество в миниатюре. Одна дверь вела в тайный мир недавней истории и будущей карьеры Бальзака, зато другая вела в коридоры более предсказуемые и скучные. В доме номер 40 жил и Виктор Пассе, старый друг Бернара Франсуа и семейный поверенный.

В новом 1815 г. Оноре отдали в пансион Лепитра, знакомого Бернара Франсуа. Пансион находился совсем недалеко от дома, и все же Оноре не стал приходящим учеником. Как в заведении Ганзера и Бёзлена, пансионеры Лепитра посещали коллеж (ранее лицей) Карла Великого. Неясно, почему Оноре не отдали в прежний пансион, ведь его директора также были дру-

зьями родителей. Возможно, Бернар Франсуа поспешил засвидетельствовать верность новому режиму: Лепитр считался ярым монархистом.

Толстенький маленький человечек, косолапый, с костылем и явным недостатком для учителя – обладатель фамилии, которая в переводе означает «клоун», Лепитр принимал участие в заговоре 1792 г., целью которого было освобождение Марии-Антуанетты. Заговор провалился из-за Лепитра, который нечаянно переменял ход истории, по глупости потребовав, чтобы дофину дали «Телемака», пособие Фенелона для будущих монархов...⁹⁷ Когда в школу поступил Бальзак, Лепитра имел обыкновение хвастать, что у него те же недостатки, что и у нового короля: ожирение и косолапость. Бальзак мог бы напомнить, как он часто делает в своих произведениях, что другим общеизвестным недостатком Людовика XVIII была импотенция.

К несчастью для Лепитра и его кумира, с острова Эльба вернулся Наполеон. В марте он вошел в Париж, а затем двинулся в Бельгию. 18 июня 1815 г. произошло сражение при Ватерлоо. Когда победоносные союзники вступали в столицу Франции, костры наполеоновской страсти еще дымились. Несколько учеников из пансиона Лепитр, руководимые супругой директора, отправились строить баррикады в Венсенское предместье. Оноре почти наверняка был среди них. Лепитр ковылял позади, по Фобур-Сен-Антуан, выкрикивая угрозы.

Вскоре после тех событий, 29 сентября, Бальзак оставил школу. Ему вручили аттестат, в котором упоминалось о «прилежании и добронравии». Аттестат стал простой формальностью. Как сообщил Лепитр министерству образования в обычном для себя подобострастно-высокомерном письме, всех бонапартистов изгнали из пансиона – вместе с мятежной г-жой Лепитр.

Бонапартистские наклонности Бальзака являются сюрпризом для всех, кто входит в «Человеческую комедию» через большой портал предисловия 1842 г. где отстаиваются монархические принципы. Но противоречие здесь лишь кажущееся. Владения и судьба нескольких известных семейств были для Бальзака важнее, чем родословная правящей династии. Основное различие лежит в его отношении к образу Наполеона. Наполеон поднялся из низов и снабдил молодую нацию, которую до того осиротила революция, твердыми принципами. В 1815 г. его постигла судьба всех провидцев: «Проклятия сыплются на него градом в миг его поражения»⁹⁸. В каком-то смысле Наполеон был для Бальзака идеалом отца. Вот уж кто не предоставил бы г-же Бальзак полную свободу дома, не позволил ей превращать в капитал «спад отцовской власти», который начался с казни Людовика XVI. «Эта власть, которая когда-то тянулась до смерти отца, была единственным человеческим трибуналом, в котором судили за домашние преступления»⁹⁹.

Очень показательно, что на единственной странице из школьной тетради, которую сохранили сам Бальзак или его сестра, остался кусок из пьесы о Бруте, основателе Римской республики. Возможно, вдохновленный картиной Давида, Бальзак в пышных выражениях, напоминающих трагедию Корнеля, передает тирады жены Брута: стойкий республиканец и отец со стальными кулаками, Брут приговорил собственных сыновей к смерти за заговор с целью реставрации монархии¹⁰⁰.

Оноре, безусловно, пошли на пользу разносторонние интересы своего отца, который в тот период увлекался Китаем. «В пятнадцать лет я знал все, что только можно было, в теории, о Китае»¹⁰¹. Кроме того, Оноре видел: уносясь мыслями в Поднебесную империю и явно восхищаясь тем, как там уважали старших, Бернар Франсуа злостно пренебрегал собственным отцовским долгом. Кое-что от такой двойственности сохранилось в романе «Дело об опеке» (*L'Interdiction*), где жена подает в суд на маркиза д'Эспара за то, что тот пренебрег образованием детей, зато научил их нескольким диалектам китайского языка¹⁰². Кроме того, образ Бернара Франсуа ненадолго появляется в раннем романе «Жан Луи». Он изображен болтливым философом, который постоянно сомневается в существовании неоспоримых вещей. Он публикует памфлеты по целому ряду вопросов, в том числе «труд поистине выдающийся» –

возможно, Оноре вспомнил слова своего отца, – в котором перечисляются «172 честных способа заполучить собственность других людей». До странности серьезный абзац в «Жане Луи» перебивает описание человека, который вначале кажется безвредным и даже симпатичным безумцем: «К великому сожалению, философия делает людей бездушными эгоистами. Ученый, предоставленный всецело своим книгам, не жалеет других... В его мире никакой реальности не существует; такой человек готов пожертвовать всем, лишь бы обрести истину. Он живет в окружении химер».

Бабушка Бальзака разделяла разумные взгляды своего внука и считала Бернара Франсуа «самым слабым человеком из всех, кого она знала, – если не сказать большего».

Подрывная деятельность Бальзака во время его девятимесячного пребывания в пансионе Лепитра (январь—сентябрь 1915 г.) не сводилась только к политике. Однокашником Бальзака был историк Жюль Мишле. В своей автобиографии, написанной в 1820 г., – он, между прочим, запретил своим детям читать ее, «пока им не исполнится двадцать лет», – он вспоминает о своем одиночестве в пансионе и намекает на широко распространенное влечение пансионеров к «хорошеньким мальчикам»¹⁰³. Некоторые юношеские отношения Бальзака и рискованные описания «страстей, которые возникают лишь ближе к концу отрочества»¹⁰⁴, подразумевают, что и его данное влечение не обошло стороной. Половое влечение удовлетворялось и более традиционными способами – во многом благодаря школьному консьержу, который, по освященной веками традиции его профессии, закрывал глаза на ночные похождения учеников. Тот же Мишле упоминает двух одноклассников, которые, «по их словам, были завсегдатями в самых дорогих парижских борделях».

Дорогие бордели были Бальзаку не по карману, но, возможно, он удовлетворял свое влечение в Пале-Рояле и окружавших его жалких Деревянных галереях. Те места он в «Утраченных иллюзиях» называет «зловещей свалкой отбросов», «напоминающей цыганский табор»¹⁰⁵. В этих «рассадниках грязи и безнравственности», куда путеводитель того времени рекомендует заходить только туристам с крепкими нервами¹⁰⁶, были представлены почти все известные ремесла. До революции 1830 г. там помещалась даже фондовая биржа, что порождало ехидные сравнения. С наступлением вечера «ужасный базар» расцветал пышным цветом. Из прилегающих переулков выходили проститутки такими толпами, что «передвигаться можно было с черепашей скоростью». Впрочем, никто не возражал: медленные прогулки служили удобным предлогом глазеть на женщин с иноземными прическами, в платьях с низкими вырезами – «на всю постыдную поэзию, которая теперь является достоянием истории»:

«Среди почти одинаковых мужчин, одетых в темное, ярко выделялись своей белизной плечи и груди... Почтенные горожане и знатные люди толкались рядом с теми, в которых можно было без труда признать уголовников. Эта чудовищная скученность обладала таким дурманящим влиянием, что ему поддавались даже самые бесчувственные... Когда постыдные деревянные постройки снесли, все дружно жалели о них».

Кроме того, консьерж проносил в пансион разнообразные, по большей части контрабандные, товары, в том числе запрещенные книги и ту субстанцию, которой суждено стать едким топливом вымышленного мира Бальзака: кофе. Колониальные товары стоили дорого и потому считались не просто лакомством, но и признаком определенного статуса. Бальзак, которого родители не баловали, как прежде в Вандомском коллеже, покупал кофе в кредит. Вот поистине важная веха: его первый долг. Г-жа Бальзак ужасно негодовала, узнав об этом признаке приближающейся зрелости. Она, как и следовало ожидать, впала в ярость, усомнившись в образовательной ценности кофе, объявила, что Оноре поглощает приданое сестер, и пришла к выводу, что «Марат был ангелом по сравнению со мной»¹⁰⁷.

Возможно, Оноре соглашался с Маратом в том, что слепое послушание всегда предшествует крайнему невежеству. И все же его мятежное поведение – республиканство, беспорядочные связи и любовь к кофе – указывает на стремление к тихой гавани. Долги, для многих писателей того времени, служили модным признаком независимости. Для Бальзака долги стали наказанием, цепью, которая на много лет приковала его к письменному столу. Злоупотребление кофе и бесконечные, постоянно растущие долги – признак зависимого характера. Как известно, самым главным и самым настойчивым кредитором Бальзака много лет была его мать.

История о первом долге Бальзака взята из «Лилии долины», но похожие воспоминания всплывают в его переписке 1843 г., с теми же двусмысленными выражениями: «Не следует позволять, чтобы вами управляли такие заботы, и во всяком случае я неподкупен, как женщина и как школьник. Для меня так унижительно занимать деньги, что источник моей храбрости кроется в самом унижении: я краснею, как будто мне пятнадцать лет. Как только я расплачусь с последним кредитором, я больше никогда не залезу в долги»¹⁰⁸.

Оставив нездоровое заведение Лепитра, Бальзак вернулся в выпускной класс пансиона Ганзера и Бёзлена. В статье, опубликованной в 1842 г., он называет двух директоров образцами для воссоздания французской системы образования¹⁰⁹. Судя по всему, школьные достижения самого Бальзака были невелики. Сестра его уверяет, что, в отсутствие нормальной библиотеки, Оноре стал увлеченным лингвистом¹¹⁰. Несомненно, лингвистика была одним из его призваний, но не осталось ни следа о каких-либо его выдающихся достижениях в латыни или французском. Более того, по мнению матери, Оноре был выдающимся лишь в другом отношении. Небольшая ошибка в переводе с латыни стала поводом для одного из ее апокалипсических писем, почти достойных жены Брута: «Мой дорогой Оноре, я не могу подобрать достаточно сильных слов, чтобы выразить то горе, которое ты мне причинил. Ты в самом деле доставляешь мне много несчастий. Делая для своих детей все, что я могу, я вправе ожидать, что и они меня порадуют в ответ. Добрый и достойный г-н Ганзер сообщил мне, что по переводу с латыни с листа ты 32-й... Поэтому теперь я лишена большой радости, которую обещала себе на завтра... Какая пустота в моем сердце! Каким долгим покажется мне завтрашний день!»

«Большая радость» – предполагаемый семейный обед в День Карла Великого (национальный праздник для хороших учеников). Обед, ужин и «славная, поучительная беседа». И подумать только, продолжала г-жа Бальзак, «Карл Великий был таким содержательным человеком, он так любил добросовестный труд!». В самом деле, невозможно представить, чтобы основатель Священной Римской империи пришел 32-м по переводу с латыни с листа! Но г-жа Бальзак наверняка знала, что ее сын восхищался Карлом Великим, как и Наполеоном. Позже она выяснит, что Оноре восхищался также достижениями Чингисхана и Аттилы – этих невоспетых полководцев и заложников добросовестности и тщеславия¹¹¹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.